

ГРАНИЦА ТЕНЕЙ

HELP
US.

АНДРЕЙ ИСТОМИН

Андрей Исто́мин

Граница теней

«Автор»

2025

Истомин А.

Граница теней / А. Истомин — «Автор», 2025

Граница теней После событий в Медиополисе Хайм и Лола совершают переход в Омега-Сити — город, где всё устроено иначе. Им предстоит выживать в среде, которая отвергает чужаков, и искать ответы среди тех, кого альтуриане называют имусами. Тем временем в самом Медиополисе продолжается опасная игра: доктор Блэк, Селин и оставшиеся пытаются восстановить контроль над ситуацией, не зная, к каким последствиям приведёт запуск проекта НОЭЛЬ_ПРАГМА. Старые связи рушатся, новые альянсы рождаются во тьме. Но за любым выбором — тень. И эта тень всё ближе. Кто они — жертвы системы или её новые хозяева? Где проходит грань между памятью и правдой, между человеком и тем, что приходит после? Книга вторая цикла «Мир без изъянов»

© Истомин А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Скачок в неизвестность.	5
Глава 2. Оковы Системы.	14
Глава 3. Чужие среди своих.	23
Глава 4. Перекрёсток судеб.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Истомин

Граница теней

Глава 1. Скачок в неизвестность.

Зона перехода

Тёмный тоннель вибрировал от далёких ударов, словно само пространство предупреждало путников о необратимости пути. Стены, окружавшие железку, покрывали следы копоти и влаги: капли воды лениво стекали вниз, исчезая в трещинах старого бетона. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом ржавчины, влажного камня и чего-то металлического, едва уловимого, но неприятного.

Дрезина скользила по рельсам бесшумно, скрытая от глаз обывателей ночной темнотой. Единственным звуком оставался приглушённый гул рельсов, едва различимый, словно сам воздух не хотел тревожить покой этого места. Мрак вокруг них был густым, непроглядным, а редкие мигающие сигнальные огни оставляли на стенах размазанные блики, создавая иллюзию движения в обратном направлении.

Лола прижалась к стенке дрезины, ощущая, как холодная поверхность отзывается на её тепло. На мгновение ей показалось, что стены дышат, сжимаются вокруг них, загоняя всё глубже в свои бетонные недра. Она перевела взгляд на Хайма: он выглядел встревоженным, его пальцы крепко сжимали поручень. Костяшки побелели от напряжения, а в глазах застыл взгляд человека, который осознаёт – пути назад нет.

– Скоро прибудем, – произнёс Перевозчик, продолжая глядеть вдаль. Его голос звучал глухо, словно впитываясь в ограниченное пространство. – Готовьтесь.

Лола вздрогнула от этих слов и почувствовала, как холодок прокрался под кожу. Её желудок неприятно сжался, а пальцы невольно впились в грубую ткань одежды. Она украдкой провела языком по пересохшим губам и выдохнула, пытаясь подавить подступающую тревогу. В груди разливалось неприятное ощущение подвешенности, как будто её толкали в пустоту без возможности ухватиться за что-то надёжное.

Хайм молча кивнул. В его взгляде читалось сосредоточенное смирение, но Лола видела и другое – скрытый страх, тот, что прятался в глубине сознания, но ни за что не вырвется наружу. Он был таким же, как она. Оба понимали: всё, что они знали, осталось позади, а впереди их ждало неизвестное.

Дрезина слегка дёрнулся, переходя на другой отрезок пути, и Лола почувствовала, как вибрация пробежала по её позвоночнику. Транспорт набирал скорость, и воздух вокруг них казался плотнее, как будто сдавливая с боков. Она чувствовала, как глухой рокот стен эхом отдаётся в её висках, как резкий запах масла и металла въедается в кожу. Мир вокруг словно дрожал, подталкивая их в новый виток реальности.

Спустя какое-то время дрезина затормозила с жутким скрежетом и визгом, отчего у Лолы заложило уши. Хайм инстинктивно вцепился в поручень, а Лола с трудом удержала равновесие, упершись ногами в пол. Грейс злобно зашипела, выпустив когти, словно собиралась наброситься на невидимого врага. Воздух вокруг был пропитан запахом машинного масла и гарью, напоминая о сотнях работающих механизмов, скрытых где-то в недрах этого мрачного города.

Когда они вышли наружу, их встретил густой туман, подсвеченный жёлтыми пятнами редких фонарей. Он клубился у ног, цеплялся за одежду, будто обладал собственным разумом. Вдалеке громоздились массивные конструкции, похожие на заброшенные заводы, прорезанные бесчисленными мостами, трубами и вентиляционными шахтами, из которых валил пар. В небе,

если это пространство вообще можно было назвать небом, слабо мерцали несколько тусклых огней – то ли звёзды, то ли дроны, зависшие над городом.

– Отсюда пешком, – бросил Перевозчик, шагая вперёд так, будто только что не доставил их в одну из самых мрачных точек цивилизации.

Лола и Хайм поспешили за ним, стараясь не отставать. Их шаги глухо отдавались эхом, теряясь в переулках. Мостовая под ногами была разбита, трещины шли паутиной, а в некоторых местах камень провалился, обнажая старые металлические конструкции, уходящие в темноту. Дома, зажатые между узкими улицами, выглядели словно уродливые исполины – с облупившейся краской, с заросшими ржавчиной укреплениями, с окнами, похожими на пустые глазницы.

– Здесь хоть кто-то живёт? – спросила Лола шёпотом, словно боялась потревожить тишину этого места.

– Больше, чем ты думаешь, – усмехнулся Перевозчик. – Они не любят гостей, но уж поверь, ты им сейчас интереснее, чем хотела бы.

Хайм нахмурился и оглянулся. Где-то вдалеке послышался глухой звук, будто кто-то сдвинул тяжёлую металлическую панель. В воздухе повисла напряжённость.

– Я так понимаю, что нам не стоит задерживаться, – заметил он.

Перевозчик фыркнул:

– О, ну конечно. Давайте встретимся с местными, расскажем, откуда вы, предложим дружбу, – саркастично протянул он. – Только вот беда: тут не любят незнакомцев, особенно таких, как вы. Так что идём быстрее, пока у нас есть такая прекрасная возможность не попасть в неприятности в первую же минуту.

Спустя несколько минут они вышли к заброшенному железному ангару. Скорее всего, это когда-то был крупный логистический хаб с подъездными путями. Огромное строение, покрытое граффити и слоями копоти, возвышалось над искривлёнными рельсами, заросшими пучками сухой травы. Стены ангара местами прогнулись, а в крыше зияли дыры, сквозь которые пробивался тусклый свет уличных фонарей. Ветер шевелил ржавые цепи, оставшиеся от давно неработающих кранов, и они тихо позванивали, будто напоминая о прошлом этого места.

В стороне, среди нагромождения старых платформ, стояли брошенные товарные вагоны, выцветшие, покрытые плесенью и слоем вековой пыли. Они казались призраками ушедшей эпохи, замерев в ожидании чего-то, что никогда не наступит. Некоторые двери вагонов были приоткрыты, и Лоле казалось, что в темноте за ними кто-то следит.

– Ждём здесь, – сказал Перевозчик, скрестив руки на груди.

Тишину прорезал лёгкий шорох. Лола почувствовала, как по спине пробежал холодок. Из-за одного из вагонов вынырнул юноша – тощий, в мешковатой одежде, с рваным рюкзаком за спиной. Его тёмные глаза быстро окинули новоприбывших, в них читалась настороженность, граничащая с безразличием.

– Это они? – спросил он, обращаясь к Перевозчику.

– Нет, я просто решил привезти сюда первых попавшихся прохожих, – хмыкнул Перевозчик. – Конечно, они. Веди их.

Юноша не улыбнулся, лишь кивнул, явно не удивившись манере разговора проводника. Перевозчик шагнул назад, всем своим видом показывая, что его роль окончена.

Лола напряглась. Этот парнишка выглядел уличным, привычным к здешним порядкам, но можно ли ему доверять? Ему на вид было лет пятнадцать, худощавый, с тёмными, лукавыми глазами и вечной усмешкой на губах, он двигался с непринуждённостью человека, которому не привыкать скрываться в тенях. Густые чёрные волосы торчали в разные стороны, как будто парень вечно находился в движении и не заботился о внешнем виде. Поношенная одежда висела на нём, словно её когда-то носил кто-то крупнее, а потрепанный рюкзак на спине был явно больше, чем он сам.

Хайм скопил на Лолу взгляд, явно думая о том же: насколько разумно доверять этому подростку? Но рассуждать было некогда.

– Нам идти с ним? – наконец спросил Хайм.

– Либо с ним, либо оставайтесь здесь, – пожал плечами Перевозчик, криво усмехнувшись. – Я бы только предупредил: в этом месте не особо любят гостей. Так что, если хотите выяснить, насколько крепкие у вас нервы, можете остаться.

Лола сглотнула. Незнание давила, но выбора не было. Парнишка закатил глаза и фыркнул:

– Ну, вы чего там, экскурсию устроили? Пошли, не тормозите.

Он двинулся через платформу, ловко обходя провалы в плитах, будто с детства знал их расположение наизусть. Его движения были быстрыми, уверенными, так, как если бы он не просто знал, куда идти, а чувствовал, когда надо свернуть и где лучше не наступать. Лола и Хайм обменялись взглядами и последовали за ним, настороженно осматриваясь. Их шаги гулко отдавались в пустоте заброшенной станции.

Запах ржавчины и сырости забирался в нос, воздух казался плотным, давящим. Где-то вдалеке заскрежетал металл, заставив Лолу вздрогнуть. Парнишка лишь хмыкнул:

– Не обращайтесь внимания. Это просто город разговаривает.

Хайм нахмурился, но промолчал. Его внимание было сосредоточено на окружающем пространстве. Громоздкие тени старых конструкций, остовы железнодорожных вагонов, зияющие дыры в полу, в которые легко было провалиться. Этот мир жил по своим законам, и пока они ещё не понимали их.

Впереди показался узкий коридор между металлическими стенами, ведущий вглубь промышленного лабиринта. Парнишка замедлил шаг, обернулся:

– Вопросов не задаёте, не отстаёте. Я не няня, ясно?

– Приятно слышать, что ты заботишься о нашем комфорте, – проворчал Хайм.

– Да я просто не хочу потом искать ваши трупы. – Парнишка пожал плечами и свернул за угол.

Лола тихо выдохнула. Похоже, первое испытание на доверие началось. Они скрылись в тени узкого прохода, переходя в новую местность, которая обещала не менее тревожные открытия.

Новое убежище

Мигель шёл впереди, лавируя по узким улочкам, уверенно находя путь среди руин промышленных строений. Его движения были лёгкими, отточенными – он явно знал эти места, словно каждую выбоину и трещину на мостовой мог пройти с закрытыми глазами. Сначала вокруг царил гнетущая тишина, нарушаемая лишь эхом их шагов, дробящимся в тёмных проулках. Воздух здесь был густым, пропитанным пылью и чем-то металлическим, как будто город до сих пор выдыхал остатки прежней жизни.

Но чем дальше они углублялись, тем больше проявлялись признаки обитаемости. Из темноты проступали силуэты обветшалых зданий, чьи окна светились неоновыми огоньками, мигая как тревожные маячки. Впереди слышался приглушённый гул – голоса, шорох шагов, тихий смех, позвякивание посуды. Кое-где вспыхивали короткие всполохи света: кто-то чинил проводку, курил или проверял товар под светом карманного фонаря. Воздух сменил свой запах – теперь он нёс в себе примеси гари, еды, чего-то пряного и резкого, будто тут варили странные смеси или жгли мусор прямо на улице.

Грейс напряглась и тихонько зарычала, шерсть на её загривке слегка приподнялась, а хвост нервно подрагивал. Лола почувствовала, как кошка вжалась в её плечо, готовая либо броситься в бой, либо сбежать в темноту. Очевидно, она улавливала нечто, чего люди не могли ни увидеть, ни ощутить. Впереди, среди теней, мелькнули неясные силуэты – несколько под-

ростков, притаившихся в боковом переулке, разглядывали их исподтишка, но стоило взгляду Мигеля скользнуть в их сторону, как они мгновенно исчезли, растворившись в лабиринте улиц. Мигель, оглянувшись через плечо, фыркнул, качая головой.

– Вы чё, блин, с кошкой сюда приперлись? – его голос прозвучал чуть громче обычного, явно выдавая удивление. Он говорил быстро, съедая окончания слов, так что Лола и Хайм не сразу поняли его.

Лола нахмурилась, слегка замедлив шаг, переводя взгляд с парня на Грейс.

– А что не так? – насторожилась она.

Мигель закатил глаза, на секунду остановившись, словно не веря, что ему действительно приходится это объяснять.

– Та у нас тут нема животных. Вообще. Тем более ручных, – он хмыкнул, будто этот факт казался ему настолько абсурдным, что даже обсуждать его не стоило. – Не, ну правда, какого хрена? Чё, сувенир из старой жизни притащили?

Постепенно промышленный район исчез и появились жилые кварталы. Здесь уже были улицы и некое подобие тротуаров, дома плотнее прижимались друг к другу, а под светом редких фонарей мелькали тени прохожих. В воздухе пахло специями, дымом и чем-то сладковато-терпким. Люди здесь были коренастыми, с загорелыми лицами, в одежде чувствовалась небрежная практичность. Кто-то громко смеялся, переговариваясь на незнакомом диалекте, другие быстро проходили мимо, не проявляя к ним интереса. Из окон доносились обрывки разговоров, где-то гремела музыка, сливавшаяся в хаотичный ритм с шумом улицы. Вдоль стен сидели пожилые мужчины, задумчиво курившие тонкие самокрутки, и женщины, что-то жарившие на открытых плитах, от которых струился густой аромат пряностей и масла. Дети пробегали мимо, заглядывая на ходу в потёртые карманные коммуникаторы с большими экранами, а кто-то продавал еду с маленьких передвижных лавок, обклеенных старыми объявлениями и пёстрыми граффити.

Периодически над улицей вспыхивали неоновые знаки, рекламируя услуги или товары, искажённые временем и плохим электроснабжением. Вода капала с проржавевших труб, исчезающая в чёрных провалах решёток стока, а где-то над крышами слышался металлический скрежет – возможно, механизмы, поддерживающие хрупкую жизнь этих кварталов. Прохожие почти не обращали внимания на Лолу и Хайма, лишь изредка бросая короткие взгляды из-под тёмных капюшонов или краёв широкополых шляп.

Наконец, Мигель свернул к массивному зданию, над входом которого висела потускневшая неоновая вывеска. Свет мигал, выдавая возраст и запущенность этого места. Фасад здания был покрыт граффити, а стены оказались облупившимися от времени и влажности. Над входом висел разорванный навес, а у самого порога валялись какие-то пустые бутылки и клочья бумаги. В окнах едва теплился свет, за мутными стеклами угадывались силуэты.

– Это ночлежка. Войдём, поговорим с Джейкобом, – бросил Мигель, толкнув массивную дверь, которая со скрипом поддалась, впуская их внутрь.

Холл встретил их тяжёлым воздухом, пропитанным смесью табака, трухлявого дерева и дешёвых духов. Свет здесь был тусклым, а потолок низким, создавая ощущение тесноты. Пол устилала старая, вытертая ковровая дорожка с тёмными пятнами неизвестного происхождения. Пахло ещё и застарелой сыростью, будто стены напитались годами запустения.

За стойкой регистрации сидел консьерж. Джейкоб оказался мужчиной внушительной комплекции, чьи мощные руки были покрыты густыми татуировками – от запястий до плеч, а возможно, и дальше. Лицо пересекал старый шрам, придававший ему грозный вид. Левая сторона туловища сверкала металлическим протезом, блеснувшим в приглушённом свете. Волосы его, выкрашенные в ядовито-фиолетовый цвет, торчали в разные стороны, будто он недавно провёл рукой по голове. В ухе поблёскивал серебристый пирсинг, а одежда резко контрастировала с его грубым обликом – яркая рубашка с глубоким вырезом и кожаные брюки подчёрки-

вали его массивную фигуру. Его взгляд лениво скользнул по вошедшим прежде, чем он заговорил.

– Ну и кого ты мне притащил на этот раз, Мигель? – голос у Джейкоба был низкий, хрипловатый, с ленивой тягучестью, будто он только что проснулся или заканчивал последнюю затяжку сигары. Мигель пожал плечами, сунув руки в карманы.

– Двоих новеньких. Им вписка нужна. Без шуму и пыли.

– Новеньких, значит? – Джейкоб окинул Лолу и Хайма внимательным взглядом, задержавшись на их выправке, одежде и общей настороженности. – Вы хоть понимаете, куда попали, а, голубки?

Лола сглотнула, но Хайм ответил спокойно:

– Нам нужна комната. Мы заплатим.

Джейкоб ухмыльнулся и криво качнул головой.

– Заплатите, говоришь? Чё-то вы не местные шибко правильные. А я вот тут думаю, на кой мне проблемы из-за вас? – Он перевёл взгляд на Мигеля. – Ты мне проблем привёл, а?

– Какие проблемы? – хмыкнул Мигель. – Обычные, ничем не пахнут. Дадим им комнату и разойдёмся по своим делам.

Консьерж цокнул языком и снова посмотрел на Лолу и Хайма, затем кивнул в сторону лестницы.

– Ладно. Один номер, второй этаж. Воду экономить, двери за собой закрывать. Если что, ко мне не бегите – я вас тут не знаю, ясно?

Лола молча кивнула, Хайм же лишь благодарно склонил голову.

– Отлично, – Мигель довольно хлопнул по стойке. – Я их провожу, а потом сгоняю за хавкой.

– Гляди мне, пацан, – Джейкоб махнул ему рукой. – Чтобы ни пыли, ни вони, ни лишних глаз.

– Чё я, маленький, что ли? – фыркнул Мигель и первым двинулся вверх по лестнице, жестом приглашая Лолу и Хайма следовать за ним.

Они поднялись наверх: ступени скрипели под ногами, воздух наполнял запах старой древесины и плесени, будто тут никто и не жил вовсе. Дверь номера оказалась облупленной, с туго вращающимся замком, который Хайму пришлось несколько раз провернуть, прежде чем он щелкнул, пропуская их внутрь.

Комната встретила их приглушённым светом одинокой лампы под потолком. Обшарпанные стены с пожелтевшими пятнами, узкая кровать с продавленным матрасом, ветхий шкаф с кривыми дверцами – всё это выглядело непрезентабельно, но после всего пережитого казалось почти роскошным. Здесь было тихо, и это уже само по себе внушало облегчение. Лола скинула рюкзак и первым делом выпустила Грейс, которая, мягко приземлившись, тут же начала обнюхивать новое пространство, нервно подёргивая хвостом.

– Ну, по крайней мере, крыша над головой теперь есть, – устало заметила Лола, опускаясь на кровать.

– Да уж, – Хайм провёл рукой по лицу, прислонившись к стене. – Посмотрим, надолго ли.

Мигель быстро убежал, пообещав вернуться с едой. Через полчаса он действительно вернулся, держа в руках несколько бумажных пакетов, источающих аппетитный запах. Он бесцеремонно шлёпнул их на стол.

– Бутеры и картофан, ешьте, не привередничайте. Сюда нормальная еда редко доходит, – усмехнулся он, усаживаясь на край стола.

Лола развернула упаковку – внутри оказалась гамбургеры с чем-то напоминающим мясо, обильно сдобренное соусом. Хайм достал картофельные дольки, подцепил одну и осторожно попробовал.

– Надо же, не так уж и плохо, – прокомментировал он, глядя на Мигеля.

– Та патамуша голодные, – фыркнул тот, запихивая гамбургер себе в рот почти целиком. – Ну, раз у вас руки заняты, расскажу кое-что. Вы ведь не представляете, куда попали, да?

Всё ещё не решаясь попробовать еду, Лола подняла глаза. Они обменялись с Хаймом коротким, напряжённым взглядом. Они действительно не знали ровным счетом ничего.

– Тогда слушайте, – серьёзно сказал Мигель, наклоняясь ближе. – Теперь вы на земле свободного народа – Имусов.

Слова повисли в воздухе, словно плотный туман. Грейс замерла у окна, её хвост не шевелился, только уши настороженно двигались. Лола сжала пальцы на куске картошки, внезапно осознавая, что аппетит испарился. Впереди их ждали не просто новые испытания – их ждал долгий период адаптации.

Имусы

– Ну, чего остолбенели? Ешьте давайте, – буркнул Мигель, продолжая запихивать в рот пищу огромными порциями. Он говорил с набитым ртом, не особо заботясь о манерах, и крошки осыпались на его старую куртку.

Лола посмотрела на бургер в своих руках. Булочка была слегка примятой, а бумага промаслилась настолько, что казалось будто держишь не еду, а деталь механизма, для сохранности хорошо обработанную маслом. Осторожно откусив, она поморщилась – мясо оказалось слишком перчёным, язык словно обожгло пряной смесью, но, к её удивлению, вкус был насыщенным, даже приятным. Возможно, сказывался голод.

Хайм ел медленно, явно не привыкший к такой пище. Он задумчиво разглядывал странные соусы, стекавшие с краёв бургера, будто пытался угадать их состав.

– Ты сказал, у вас нет животных, – Лола кивнула на Грейс, которая свернулась клубком у её ног. Кошка с недовольством приоткрыла один глаз, но не стала вмешиваться в разговор. – Почему?

Мигель хмыкнул, запихивая в рот ещё горсть картошки.

– А что, у вас они везде, да? – Он покачал головой, жуя с видимым удовольствием. – Да их просто не осталось. Те, кто жил с людьми, подошли ещё до моего рождения. Говорят, раньше тут были крысы, собаки, голуби, но сейчас... нет. Только мы.

Он с неким вызовом посмотрел на Лолу, будто проверяя её реакцию. Она почувствовала, как в животе неприятно свернулся комок. В словах Мигеля сквозило что-то пугающе будничное, словно он говорил о чём-то настолько привычном, что даже не задумывался о том, насколько это странно звучит для неё.

Лола украдкой посмотрела на Грейс. Кошка, казалось, и не подозревала, какой редкостью она здесь была. Или же прекрасно знала и просто не считала нужным об этом беспокоиться.

– А кто такие «мы»? – спросил Хайм, на мгновение отвлекаясь от еды. Он говорил спокойно, но в голосе проскальзывал интерес.

Мигель замер на мгновение, прищурился, потом шумно выдохнул, откинувшись на спинку скрипучего стула.

– О, дружок, тебе придётся многое узнать, – ухмыльнулся он, разглядывая Хайма с каким-то ленивым любопытством. – Но сначала доешь, а то, боюсь, что после ответа у тебя кусок в горло не полезет.

Хайм продолжил жевать, не отводя взгляд от Мигеля.

– Мы – это имусы, кто ж ещё, – Мигель фыркнул, с нескрываемым раздражением глядя на Хайма.

– Обычные люди. Не то, что вы. – Он окинул их взглядом, и в глазах мелькнуло что-то между насмешкой и недоверием. – Альтуриане, да?

Слово прозвучало резко, будто он сплюнул его сквозь зубы. Лола напряглась.

– Даже если так, – осторожно ответил Хайм. – То что?

Мигель покачал головой, ухмыльнулся, потом снова уткнулся в свою еду.

– А то, что альтуриане нас всегда держали за мусор, – произнёс он с наигранной лёгкостью, но в голосе звенело что-то острое, цепляющее за живое.

– Вы ж из Медиополиса, да? Вот тамошние, типа вас, нас вообще за людей не считают.

Лола почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Она взглянула на Хайма – тот нахмурился, явно не понимая, о чём идёт речь.

– Мы не такие, – твёрдо сказала она.

Мигель усмехнулся, не отрываясь от своего бургера.

– Да все так говорят.

Он говорил это так, будто уже не раз слышал подобное. Лола ощутила знакомый укол тревоги – стоило ли вообще пытаться его переубедить? Имусы. Доктор Блэк когда-то упоминал это слово, но без подробностей. Жители других городов, те, кто живёт без благ системы. В её мире о них говорили либо с презрением, либо не говорили вовсе.

– Мы о вас почти ничего не знаем, – призналась она. – В Медиополисе о вас молчат.

– Ещё бы, – фыркнул Мигель. – Вам проще делать вид, что нас нет. Удобно же.

Хайм открыл рот, но тут же закрыл его, словно не находя нужных слов. Ему казалось, что Лола говорит на другом языке, что они с Мигелем обсуждают что-то, о чём он даже не догадывался.

– Так что не стройте из себя бедных заблудших, – продолжил Мигель, доедая картошку. – Тут вам не Медиополис. Здесь, если хочешь жить, придётся понять, кто есть кто.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание, нарушаемое лишь звуками жевания. Пакеты из шуршащего материала тихо поскрипывали под пальцами. Где-то на улице визгливо смеялись дети, а вдалеке послышался глухой рёв транспорта. Лола, медленно пережёвывая остатки еды, украдкой взглянула на Мигеля. Он ел быстро, словно привык, что в любой момент у него могут отнять еду. Или, может быть, просто был всегда голоден.

Грейс тоже перепал кусок жареного мяса. Сыто зевнув, она потянулась и аккуратно вылила лапу. Её чуткие уши слегка подёргивались, реагируя на каждый новый звук.

Запахи вокруг были непривычными: смесь застоявшейся пыли, прогорклого масла и чего-то кислого, впитавшегося в стены за долгие годы. Лола чувствовала, как этот город оседает в её лёгких, в коже, в мыслях. Здесь пахло жизнью, но какой-то совсем иной, грубой, неупорядоченной. Мигель хлопнул по столу, вырывая её из размышлений.

– Ладно, спать давайте. Завтра покажу вам город. Только без глупостей, поняли?

Лола кивнула, но ощущение, что завтрашний день будет непростым, уже засело у неё в голове. Она бросила взгляд на Хайма: тот выглядел задумчивым, явно ещё переваривая разговор. Он ничего не знал об имусах, не знал о разнице между ними и альтурианами, но вот теперь эта разница стояла перед ним во всей красе.

Когда Мигель ушёл, комната наполнилась тишиной, но ненадолго: ночь выдалась шумной. Через тонкие стены гостиницы доносились приглушённые голоса, крики, резкий гогот, хлопки дверей. Где-то гремела музыка, резкими басами отдаваясь в стенах. Её заглушали перебранки на улице, то и дело вспыхивавшие то в ярости, то в хмельном восторге.

В коридоре кто-то выяснял отношения, и голос Джейкоба гремел, словно раскаты грома.

– ВЫШЕЛ ОТСЮДА, ПОКА Я ТЕБЕ НОГИ НЕ ОТОРВАЛ!

Раздался звук чего-то тяжёлого, ударившегося о стену, затем быстро удаляющиеся шаги.

Лола лежала, уставившись в тёмный потолок, краем уха ловя дыхание Хайма. Он тоже не спал.

– Как думаешь, что он имел в виду? – пробормотал он.

– Без понятия, – шёпотом ответила Лола, повернувшись на бок.

Грейс спрыгнула с кровати и, потянувшись, медленно побрела к двери, опустив хвост. В её движениях было что-то осторожное, будто кошка прислушивалась к невидимым вибрациям, исходящим от этого места.

Лола снова улеглась, прикрыв глаза. Сон не спешил приходить. В голове крутилось слишком многое: слова Мигеля, его презрительное «Альтуриане, да?», запах улицы, звуки чужой жизни, к которой им теперь придётся привыкать. Где-то хлопнула ещё одна дверь, на улице раздался визг тормозов, потом всё стихло. И в этой временной передышке усталость, наконец, взяла своё.

Лола проснулась от ощущения, что кто-то тянет её за руку. Она медленно открыла глаза и увидела Грейс, которая аккуратно когтями цеплялась за её запястье, требовательно мяукая.

– Да-да, поняла, голодная, – пробормотала Лола, сонно потянувшись.

Комната выглядела ещё менее гостеприимной при утреннем свете. Грязноватые стены, потрескавшаяся краска, пятна на полу – теперь всё это бросалось в глаза особенно ярко.

Хайм тоже проснулся, выглядя так, будто едва сомкнул глаза. Его волосы растрепались, круги под глазами стали ещё темнее, а футболка сбилась набок.

– Как спалось? – хрипло пробормотал он.

Лола только поморщилась. Но если ночь была невыносимо шумной, то утро оказалось ещё хуже. Со двора доносился грохот тележек по булыжнику, чья-то громогласная перебранка, визгливые вопли детей, где-то работали болгарка и перфоратор. В коридоре кто-то хлопал дверями, слышалось журчание воды и возмущённое бормотание.

– Надо умыться, – Лола с трудом поднялась с кровати и оглядела комнату.

– Ты видишь тут ванную? – Хайм уже встал и натягивал куртку, с подозрением осматривая помещение.

Всё, что в номере напоминало санитарные удобства – это пустая пластиковая бутылка в углу.

– Только не говори, что... – Лола многозначительно замолчала.

Хайм тяжело вздохнул. Как оказалось, ванная была общей – узкий, плохо освещённый коридор вёл к обшарпанной двери, за которой оказалась одна единственная раковина и несколько кабинок с дверцами, на которых красовались следы чьих-то ботинок.

Лола быстро умылась, держа Грейс на руках, чтобы та не касалась пола. Вернувшись в комнату, она только успела перевести дух, как дверь с грохотом распахнулась.

– Ну чё вы там копаетесь?! – Мигель ввалился внутрь, запахнув куртку и ссутулив плечи. – Быстро пошли, вас тут никто не будет ждать!

Он шагнул вперёд, чуть не наступив на Грейс.

– Осторожнее! – взвизгнула Лола, прижимая кошку к груди.

– Да она юркая, не раздавлю, – фыркнул Мигель.

Лола и Хайм переглянулись, но спорить не стали. Этот день обещал быть не менее сложным, чем прошлая ночь.

Они шагнули на улицу, и сразу же их накрыл водоворот звуков, запахов и ощущений. Воздух здесь был тяжелым, влажным, насыщенным смесью дыма, пряностей и гари. Грязные, потрескавшиеся булыжники под ногами были покрыты липкими пятнами, мусором и следами чьей-то вчерашней трапезы.

Здания лепились друг к другу, словно склонившиеся в заговоре. Фасады «украшали» облупившаяся штукатурка, граффити, ржавые металлические ставни. Узкие улочки петляли, сжимая пространство, создавая ощущение, что город хочет проглотить пришлых. Между домами были натянуты верёвки, увешанные пёстрой одеждой, которая хлопала на ветру, словно флаги невидимого кочевого народа. Под ногами что-то хрустнуло – возможно, скорлупа от орехов, а может, чей-то обглоданный ужин. Грейс на её руках замерла, только хвост нервно подрагивал.

Чуть дальше, на перекрёстке, громко шкворчало масло. Мужчина с загорелым лицом и седыми висками ловко размахивал гигантской лопатой, переворачивая в огромной сковороде что-то источающее густой аромат жареного мяса и специй. Рядом стояли дети – босые, грязные, с широкими глазами, наблюдая за готовкой.

Люди здесь выглядели коренастыми, жилистыми. У мужчин – щетинистые лица, у женщин – длинные юбки, алые и жёлтые платки, тёмные кудри, собранные в небрежные пучки. Их одежда была простой, но выделялась деталями: кто-то носил вышитый жилет, у другого шея была опоясана массивными бусами, а у старика, прислонившегося к стене, была широкополая шляпа с засаленной тесьмой.

– Ладно, не стойте столбами, – буркнул Мигель, сунув руки в карманы. – Давайте, покажу вам, как тут всё устроено.

И он двинулся вперёд, а они поспешили за ним, с каждым шагом всё глубже погружаясь в хаос этого места. Прохожие бросали на Лолу и Хайма взгляды. Кто-то безразличный, кто-то с любопытством, но в глазах некоторых читалось откровенное недовольство. Особенно у мужчин среднего возраста – их тёмные, прищуренные глаза следили за каждым их шагом, будто выискивая что-то знакомое или неприятное.

– Кто это? – бросил кто-то хриплым голосом, едва Мигель с ними поравнялся.

– Да так, проезжие, – ответил он легко, даже не оборачиваясь, но Лола уловила в его голосе едва заметную натянутость.

Чем дальше они углублялись в этот лабиринт узких улиц, тем сильнее ощущалось, что здесь чужаков не жалуют. Это чувствовалось во взглядах, в резком смолкнувшем разговоре на очередном перекрёстке, в том, как какие-то дети, игравшие у обшарпанного здания, замерли и уставились на них, словно на диковинных зверей.

– Нам здесь не рады, – шепнула Лола, стараясь не шевелить губами. Хайм кивнул, не отвечая. Он и сам это чувствовал – густую, вязкую настороженность, витающую в воздухе.

Внезапно впереди что-то изменилось. Толпа расступилась, образовав полукруг, а перед ними оказалась группа молодых мужчин. Их было пятеро, все загорелые, жилистые, с грубыми чертами лиц. Главный из них – долговязый, с бритой головой и в рваной майке – вышел вперёд, скрестив руки на груди.

– Мигель, – протянул он, прищурившись. – Ты кого тут водишь?

Мигель замер, его челюсть сжалась, а руки, спрятанные в карманах, напряглись.

– Не твоё дело, – ответил он ровным голосом, но его пальцы дрогнули.

– Альтуриане, да? – голос бритоголового стал тягучим, сдавленным. Он произнёс это слово так, будто держал во рту что-то гадкое. – Чего приперлись?

Лола почувствовала, как внутри всё похолодело. Грейс, сидевшая у неё на руках, напряглась и вжалась в её грудь, издав еле слышное шипение.

Хайм сделал полшага вперёд, но Лола резко сжала его запястье, предупреждая.

– Идём, – вдруг сказал Мигель и толкнул Хайма в плечо. – Не нарывайтесь.

Он шагнул в сторону, уводя их за собой. Лола слышала, как долговязый парень сплюнул им вслед и пробормотал что-то на своём диалекте. Она сглотнула, чувствуя, как напряжение сдавливает горло. В этом городе они действительно были чужаками. Чужаками, которых не ждали. И впереди их ждали не только новые испытания, но и опасность, с которой они ещё не сталкивались.

Глава 2. Оковы Системы.

За стеклом

Доктор Блэк очнулся от звуков, которые сперва принял за мерное капание воды. Влажный, гулкий звук отдавался эхом в пространстве. Он пошевелил пальцами – они отозвались болью. Рывком открыл глаза, но перед ним была лишь мутная, бледно-серая поверхность. Стекло. Оно отделяло его от остального пространства. Он сидел в комнате, напоминающей лабораторный бокс: белые стены, яркий свет, ни одного окна.

Голова гудела. Тело ломило. Он попытался пошевелиться, но мышцы отзывались тупой болью. Естественно, ведь он долгое время провёл в неподвижности. В горле першило, язык словно был обожжён. Память возвращалась медленно, словно просачиваясь сквозь трещины в сознании. Последнее, что он помнил... усмирителей, полицию, дронов.

Теперь он был здесь. В зоне управителей. Место, о котором горожане знали только из слухов и обрывков информации, которые редко покидали эту часть Медиополиса. Башня управителей представляла собой величественный монолит из стекла и металла, поднимающийся к небесам, словно хребет самого города. В отличие от остальных районов, эта зона напоминала гибрид научной лаборатории, военной базы и корпоративного улья. Каждый этаж, каждый коридор был предназначен для конкретных целей: анализ, обработка, контроль, устранение, разработка и внедрение пропаганды и много других функций, которые необходимы были для поддержания функционирования Системы. Здесь не было случайных людей. Только управители, их подчинённые дознаватели и умиротворяющие. Заключенных система не предусматривала. Вопрос остался открытым:

– Какого черта я тут делаю? – прошептал Джеймс и начал массировать ноги.

Мысленно он пытался осознать, насколько глубоко он влез в Систему, которую так долго пытался преобразовать. Ему всегда казалось, что он находится где-то на её границе, балансируя между дозволенным и запретным. Но теперь он оказался в самом её сердце. Башня не просто возвышалась над городом – она буквально давила на него своей властью, диктовала правила, управляла потоками жизни. В отличие от наполненных жизнью районов Медиополиса, здесь царил стерильная тишина, нарушаемая лишь редкими механическими звуками автоматизированных систем. Здесь всё было подчинено порядку и контролю.

Он вновь посмотрел на стекло перед собой. Теперь, когда взгляд немного прояснился, он заметил, что по ту сторону проходили фигуры. Чёткие, уверенные шаги, строгие силуэты. Люди в форме – серые костюмы, металлические нашивки, электронные браслеты на запястьях. Дознаватели. Они не обращали на него внимания, словно он был лишь частью обстановки. Это напрягало.

«Они тянут время или собирают информацию?» – подумал Блэк.

Доктор попытался выпрямиться, но зашипел от боли. Руки и ноги не слушались его. Он всегда плохо переносил последствия от «Капли». Как давно он здесь? Часы, дни? В этом месте не было ни окон, ни ориентиров, позволяющих следить за течением времени. Всё здесь работало по своему, невидимому для чужаков ритму. И он был чужаком.

Послышался тихий механический звук. Из-под стены выдвинулась тонкая панель, и в отсек, где он находился, просочился резкий запах антисептика. Едва уловимое шипение раздалось где-то в воздухе. Дезинфекция. Подготовка к допросу. Блэк закрыл глаза и глубоко вздохнул. Страх не было, лишь усталость и желание поскорее убраться отсюда.

Долгая пауза, за которой последовал шум шагов. Кто-то стоял по ту сторону стекла. Голос раздался резко, как щелчок хлыста:

– Очнулся. Уже что-то.

Фигура за стеклом размыто двоилась, и Блэк моргнул, пытаясь сфокусировать зрение. Серый комбинезон, прямые плечи, коротко остриженные волосы. Один из дознавателей.

– Что вам нужно? – голос Блэка был осипшим.

– Ответы, – собеседник пожал плечами. – И Вам лучше их дать, доктор Блэк.

Дверь скользнула в сторону, впуская ещё двух человек. Один – крепкий мужчина со шрамом на виске, другой – женщина с холодным мёртвым взглядом. Они двинулись к нему, и Блэк внутренне сжался. Он знал, что будет дальше. Мужчина достал из кармана небольшое устройство и активировал его, высветив экран с биометрическими показателями. Женщина поставила перед ним металлический кейс и раскрыла его – внутри блестели медицинские инструменты. Блэк почувствовал раздражение. Он всегда ненавидел, когда его касались люди.

– Доктор Блэк, – заговорила женщина, – Вас необходимо обследовать. Стандартная проверка после контакта с имусами. Вы знаете протокол.

Он кивнул, подчиняясь без лишних слов. Мужчина подошёл ближе, провёл сканером вдоль его тела, задерживаясь на руках и лице. Прибор пискнул, отображая данные.

– Чист. Радиации нет, внешних повреждений нет. Вероятность заражения минимальна, но анализ крови всё же потребуется.

Женщина достала стерильный шприц и ловко ввела иглу в вену. Блэк наблюдал за тем, как тёмная жидкость наполняет пробирку. Спокойно, методично. Будничность происходящего забавляла Джеймса. Больше всего, ему хотелось увидеть лица этих горе исследователей после получения результата анализов. Когда материалы были собраны, женщина закрыла кейс и убрала его в сторону.

– Теперь вопросы, – подал голос дознаватель в сером костюме. – Давайте без глупостей. Вы помогли двум имусам бежать. Почему?

Блэк взглянул на него ошалевшим взглядом, не спеша отвечать.

«Значит, они считают Лолу и Хайма имусами. Что ж, неплохо...» – Блэк усмехнулся про себя.

– Я врач. Моя работа – лечить, а не устраивать охоту.

– Не увливайтесь, – голос дознавателя стал жёстче. – У Вас была возможность сообщить нам, но Вы этого не сделали. Какая Вам от этого выгода? Чувство вины? Старая дружба?

– Ничего личного, – Блэк скрестил руки. – Просто рациональный выбор.

Мужчина скептически прищурился.

– Рациональный, говорите? Вот я вижу только глупость. Или Вы всё-таки заигрались в благородство?

Блэк промолчал. Женщина наблюдала за ним, не мигая, словно изучая под микроскопом. Затем наклонилась чуть ближе.

– Мы можем сделать так, чтобы твоя жизнь превратилась в ад, – её голос был почти ласковым. – Тебе ведь нравится твоя работа? Твоя уютная лаборатория? Будет обидно потерять всё это... ради чего? Ради пары беглецов, которым суждено умереть в грязи?

Блэк не отреагировал на этот выпад. Непонятно вообще, как этим низкоуровневым дознавателям было выдано назначение на его дело.

«Скорее всего, старая стерва решила покуражиться», – мелькнула мысль в голове Блэка. – «Делать нечего. Магомед таки дождется пришествия Горы».

Когда дверь снова открылась, он едва мог поднять голову. Боль гулко пульсировала в висках, плечи и руки ныли от долгого пребывания в одном положении. Горло саднило, во рту стоял привкус железа. Дознаватели ушли пару часов назад, так и не добившись хоть каких-то результатов. Их вопросы слились в мутный, раздражающий фон, их взгляды прожигали кожу, но ни один из них не сумел поколебать его. Однако это стоило ему сил. Слишком долго без нормального сна, без еды, без привычного ритма жизни – организм выдавал слабость, а сознание плавилось в вязком, выматывающем забытии.

В ожидании чуда Блэк задремал, но теперь чувствовал, как по телу расплзается дрожь. Его вновь выбросили из зыбкого сна в реальность. Он уже знал, что вошёл кто-то другой. Не та кучка идиотов, что мучила его допросами. Лёгкий, едва уловимый аромат цитрусовых пробился сквозь стерильный запах антисептика, заполнявший помещение. Этот запах резал своим контрастом, почти насмешливо напоминая о нормальной жизни.

– Ты выглядишь ужасно, Джеймс, – произнёс мягкий, но наполненный контролем голос.

Блэк медленно поднял взгляд. Селин. Высокая, с неизменной выправкой, будто стальной стержень поддерживал её фигуру. Аккуратно уложенные слегка вьющиеся каштановые волосы эффектно оттеняли высокие скулы и аристократическую утонченность черт лица. Светло-серый костюм сидел безупречно, подчёркивая её авторитет. Лёгкий блеск лакированных туфель, минимум украшений – только тонкий браслет на запястье, который на ней выглядел скорее символом власти, чем украшением. Возраст не брал над ней верх, разве что пару едва заметных морщин выдавали годы. Она была из тех, кто не терял хватку, а лишь становился сильнее.

Блэк изобразил свою самую ехидную усмешку:

– У меня был тяжёлый день, – хрипло проговорил он, но поморщился, когда новый приступ головной боли вспыхнул в висках.

Селин не шелохнулась. Её взгляд оставался неизменным – внимательным, оценивающим, полным какой-то ленивой насмешки, будто она уже знала, что он скажет дальше. Она неторопливо сделала шаг вперёд, её пальцы прошлись по стеклянной поверхности стола, оставляя на идеально чистой поверхности едва заметные следы. Блэк наблюдал за ней из-под тяжёлых век, стараясь скрыть усталость, вязкую, как сироп. Ему казалось, что даже воздух здесь был плотным, приглушённым, словно сам купол Системы не позволял звукам звучать естественно.

– Ты знаешь, зачем я здесь, Джеймс, – её голос был ровным, почти ласковым, но за этим скрывалась сталь.

Он промолчал, склонив голову набок. Глухая боль в висках сдавила череп, но он не подал виду.

– Ты поступил неосторожно. Слишком много шума, слишком много следов, – продолжала она. – Система не любит, когда кто-то портит её порядок.

– Система любит иллюзию порядка, – хрипло ответил он. Голос был срывающимся, словно кто-то царапал стекло. – И если кто-то видит правду, она реагирует как капризный ребенок.

Селин слегка приподняла бровь, её тёмные глаза, такие внимательные, будто сканировали его до самых мыслей, вспыхнули холодным интересом.

– Ты всё ещё веришь, что можешь что-то изменить? Даже теперь? – в её голосе не было насмешки. Скорее... проверка. Как учёный наблюдает за реакцией испытуемого.

Блэк скрестил руки на груди, губы дрогнули, но он ничего не ответил. Он знал, что Селин не ждёт слов. Она давно знала его ответы.

– Дознаватели понятия не имели кто ты, – вдруг произнесла она, слегка усмехнувшись. – Они даже не понимают, на кого работают. Что уж говорить о тех, кто управляет всем.

Она позволила себе паузу, давая ему возможность обдумать сказанное. Блэк сжал кулаки, ногти болезненно впились в ладони. Неужели Селин думает, что он как загнанный зверь? Нет, он не был жертвой. Но невидимая «клетка» ограничений все таки существовала. Его безумно раздражал окружающий его фарс.

Управители, пыжащиеся своей важностью, дознаватели, считающие себя праведниками – никто из них даже не догадывался, кто на самом деле тянет за ниточки. Их власть – фикция, игрушка, данная теми, кого они никогда не увидят. Блэк знал это. И Селин знала.

Он перевел на нее тяжелый взгляд. Они были на одной стороне, но каждый по-своему. Он никогда не спрашивал, почему она играет свою роль в этом спектакле, и она не спрашивала его. У них не было четких целей, но были причины. Блэк усмехнулся уголком губ:

– Как думаешь, как скоро рухнет эта иллюзия, даже без моей помощи?

Селин не ответила сразу. Лишь склонила голову, изучая его взглядом, в котором он вдруг заметил что-то вроде предупреждения.

– Думай, Джеймс, – Селин снова посмотрела на него пристально. – В следующий раз, возможно, меня здесь не будет.

Она развернулась и вышла, оставив его в тишине. За стеклом дрожал слабый отражённый свет, и доктор Блэк медленно закрыл глаза. В висках стучало, мысли сплетались в жёсткие узлы. Через пару минут электронный замок его камеры заключения издал истошный писклявый звук и щёлкнул. Путь на свободу был открыт.

Прощание с Рафаэлем

Доктор Блэк сидел за своим столом, просматривая файлы. Экран мерцал бледно-голубым светом, строчки данных сменяли друг друга, но он едва их замечал. Его мысли вновь возвращались к событиям последних дней. Он покинул Башню управителей без единого вопроса от охраны, без дополнительных проверок. Всё выглядело так, словно его там и не было. Однако ощущение тревоги не исчезало.

Хайм и Лола. Они добрались? В безопасности ли они сейчас? Анджей говорил, что путь в Омега-Сити непростой и небыстрый. Главное, чтобы Селин не передумала. Хотя она не из тех, кто меняет решения на эмоциях. Но он знал – Система не прощает даже намёка на слабость. Всё было на грани.

Он выдохнул и открыл очередной файл. Пальцы автоматически скользнули по панели, пока его взгляд не зацепился за выделенную строку: «Церемония прощания для Творца Рафаэля состоится сегодня в 18:00 во Дворце последнего пути. Выражаем признательность за его вклад в общественное благо».

Блэк перечитал ещё раз. Сухая, ровная формулировка, без намёка на сочувствие или уважение. Просто уведомление о том, что ещё один человек будет стёрт из Системы. Холод пробежал по его спине. Слишком быстро. Он знал, что утилизация Творцов никогда не затягивается надолго, но у Рафаэля должен был быть хотя бы месяц-другой. Стандартный срок. Почему сегодня? Что изменилось? Или он знал что-то лишнее?

Блэк откинулся на спинку кресла, разминая кончики пальцев несложными упражнениями. Он вспомнил, как разговор Рафаэля с Хаймом изменил ход событий и разрушил все их иллюзии. Блэк провёл ладонями по лицу. Внезапно внутри него вспыхнуло странное предчувствие. Неужели Рафаэль был частью чьего-то плана? А если его специально «подбросили» на пути Хайма? Если его предназначение было в роли приманки для проявления Хайма? Возможно, Система следила за ними куда более пристально, чем Джеймс предполагал. Блэк встал. Ответы можно было найти только в одном месте. Он должен был пойти на церемонию.

Дворец последнего пути возвышался над окружающим пейзажем, словно памятник ложному величию. Его архитектура была задумана так, чтобы внушать благоговение: массивные белоснежные стены, гладкие, словно отполированный мрамор, пронзали небо. На них не было ни единой пылинки, ни единого изъяна. Гигантские арочные проходы, увенчанные символами системы, вели внутрь, туда, где разыгрывались тщательно спланированные церемонии.

Белые панорамные экраны, встроенные в стены, проецировали иллюзорные пейзажи: ухоженные парки, наполненные цветущими деревьями, безмятежные водоёмы, бесконечные горизонты. Картины покоя, гармонии, вечного продолжения. Для большинства присутствующих

щих это место олицетворяло кульминацию пути Творца, его окончательное слияние с чем-то большим.

Доктор Блэк смотрел на всё это с мрачным скепсисом. Он знал правду: дворец последнего пути был всего лишь сценой для спектакля, искусно разыгранного ради зрителей. За внешним фасадом, за этим театром «утончённого ухода» скрывалась мрачная, безжалостная реальность.

Люди стекались к главному залу. Их лица были исполнены формальной скорби, но лишь немногие действительно чувствовали потерю. Большинство присутствовало здесь не по зову сердца, а потому, что так требовали правила. Они шептали друг другу дежурные слова сочувствия, но их взгляды были пусты. Блэк видел таких десятки раз – тех, кто скорбит из долга, а не из-за боли утраты.

Центральный зал был освещён мягким, рассеянным светом, создающим иллюзию теплоты. Вдоль стен располагались тонкие колонны, плавно переходящие в изогнутые арки. В воздухе витал едва уловимый аромат чего-то успокаивающего, возможно, специально подобранного, чтобы заглушить любые проявления тревоги.

В центре, на возвышении, находился сам Рафаэль. Он восседал в позе лотоса на гладкой белой платформе, окружённой мягким свечением. Его лицо было спокойным, безмятежным, как у херувима. Для публики это должно было символизировать мирное окончание жизненного пути. Творец, достигший своей высшей точки, готовый стать частью системы.

Тихий голос ведущего церемонии раздался в пространстве. Он говорил о вкладе Рафаэля в общественное благо, о его заслугах, о том, как он был предан Системе. Он говорил правильные слова, но Блэк знал, что это ложь. Рафаэль не был тем, кем его выставляли. Его не провожали с почестями – его ликвидировали. И не за какие-то преступления против системы, а потому, что он стал неудобен.

Он продал Хайма. Предал его ради собственного спасения. И Система, вместо того чтобы вознаградить его за это, поступила иначе: ускорила процесс. Он знал слишком много. Он стал ненужным. Рафаэля не хоронили. Не отправляли в неведомый загробный мир. Вскоре, после того как все скажут свои слова, его усыпят, и толпа увидит, как он превращается в чистую энергию. Они увидят вспышку света, растворение, символ триумфа системы над хаосом. Так это должно было выглядеть для публики.

Но Блэк знал. Он знал, что после усыпления его тело не исчезнет. Оно отправится в закрытые лаборатории Дворца последнего пути. Его органы, его кровь, его костный мозг – всё будет извлечено, пока он еще дышит и всё пойдёт на благо системы. Из него извлекут то, что нужно, чтобы поддерживать стабильность. Чтобы создавать новые поколения. Чтобы совершенствовать «Каплю» и создавать новых Творцов.

Это был не обряд прощания, а акт потрошения оболочки из плоти, что недавно была человеком. Рафаэль уже не был личностью, не был человеком. Он стал ресурсом. Система работала именно так – с идеальной точностью, без промедления, без жалости. Он знал это давно. Но почему-то именно сейчас ему было особенно мерзко.

Блэк скрестил руки на груди и облокотился на колонну. Он мрачно наблюдал этот тщательно продуманный и поставленный спектакль. Но почему так поспешно? Почему Рафаэля убрали именно сейчас? Блэк стиснул зубы, вглядываясь в фигуру Рафаэля на помосте. Вокруг него суетились вежливые служители, укрывая его белой тканью, как почётного гостя. Его лицо, некогда полное жизни, теперь было бледным и осунувшимся, но в глазах ещё теплится отчаянная надежда. Он не верил до конца, что это его конец. Блэк видел это во взгляде. Он знал. Он понимал. Рафаэль надеялся, что в последний момент что-то изменится.

Ведущий церемонии продолжал задушевно лепетать о достижениях Рафаэля, пока его пеленали в белый саван. Он говорил о великом вкладе Рафаэля, о его пути, который завершался во благо общества. Люди кивали, принимая каждое слово как должное. Блэк стоял в тени колонны, наблюдая за этим фарсом. Его тело дрожало от напряжения, он чувствовал, как

внутри всё сжимается. Гнев? Бессилие? Или уже привычное отвращение? Но он не мог уйти. Он знал, что должен быть здесь.

Под конец церемонии Блэк сделал шаг вперёд. Охрана не остановила его – он всё ещё имел статус, позволявший определённую свободу. Он подошёл ближе к парящей платформе, на которой сидел Рафаэль, почти слившийся с белыми тканями. Глаза Творца расширились, когда он увидел его.

– Вы... доктор Блэк... – голос Рафаэля был слабым, но всё же он сумел выговорить его имя.

Джеймс наклонился, ища в его взгляде что-то, что могло бы объяснить всё это. Рафаэль жадно вдохнул воздух, его губы дрожали.

– Я не думал, что так быстро... – в его голосе была мольба. – Я... я ведь всё сделал, как они хотели...

Блэк не ответил сразу. Он смотрел на него, на этого человека, который предал другого, надеясь купить себе время. Человека, который теперь осознавал, что его тоже обманули. Рафаэль замер, потом чуть наклонился вперёд, будто хотел ухватиться за руку Блэка.

– Они... они сказали, что если я помогу, мне дадут больше времени... Я... я не хотел... – его дыхание сбилось, глаза метались в поисках спасения. – Я думал, что...

– Ты знал, – Блэк произнёс тихо, но в его голосе прозвучала безжалостная истина. – Ты знал, чем это закончится.

Рафаэль судорожно выдохнул, на его губах появилась слабая дрожь. Он больше не пытался оправдываться. Его пальцы сжались на белой ткани, как будто он пытался удержаться за что-то последнее. В глазах мелькнул ужас, осознание, сожаление – целая буря эмоций, которые уже не могли ничего изменить.

– Помоги... – выдохнул он, но это был не зов, не просьба о помощи, а лишь констатация. Как будто он понимал, что перед ним единственный человек, кто сейчас может его услышать. Блэк молчал. Он протянул руку и сжал холодную изящную ладонь Рафаэля в прощальном рукопожатии. Он знал, что не сможет ничего изменить. Даже если бы он хотел. Даже если бы у него был план. Всё уже было решено.

Когда медики ввели Рафаэлю инъекцию, его взгляд стал стеклянным. Последнее, что он увидел, был человек, который оставался с ним до последней секунды. Его тело расслабилось, но в этом покое не было мира. Только безысходность.

Доктор Блэк закрыл глаза. В груди что-то похолодело. Он видел смерть раньше. Он знал, как убивает Система. Она убивала не быстро, не сразу. В мгновение, Джеймс ощутил, как сама суть Системы дала трещину. И сейчас она становилась глубже. А он был тем, кто слышал, с каким мерзким скрежетом разрастается эта бездна.

Негодование Анджея

Доктор Блэк шагал по пустынным коридорам Дворца последнего пути, где ещё витало тягостное эхо прошедшей церемонии. Пространство вокруг казалось стерильным, безжизненным, словно оно тоже подчинялось строгим алгоритмам Системы. Но внутри него всё кипело. Гулкие шаги отдавались в чересчур широких, словно нарочито величественных переходах. Пахло озоном, дешёвыми синтетическими благовониями и чем-то металлическим, пронзающим обоняние, как лезвие скальпеля.

Перед глазами стояло лицо Рафаэля. Его взгляд – пустой, наполненный болью, ужасом, мольбой, но без надежды. Он знал, что умирает. Он понимал, что обманут. Его тело ещё дышало, ещё подчинялось ему, но уже не принадлежало. Как много времени у него было после усыпления, перед тем, как Система забрала всё? Несколько минут? Секунды? Доктору Блэку не хотелось представлять, что Рафаэль мог услышать или почувствовать в эти мгновения.

В груди нарастал тяжёлый ком, давящий, непроходимый. Его пальцы сжались в кулак, но не из злости, а от бессилия. Он знал, что Система жестока, но всегда оправдывал это рациональностью. Чёткие алгоритмы, холодный расчёт, устранение слабых элементов – так он себе это объяснял. Но сегодняшний день показал ему, что Система действовала иначе. Она лгала. Она манипулировала. Она вела себя не как совершенный, беспристрастный интеллект, а как хитрый, изворотливый человек.

Он вышел на улицу, где город уже жил своей привычной жизнью. Влажность осела на коже, в воздухе пахло приближающимся дождём. Машины мягко скользили по магистралям, где-то вдалеке мигали неоновые вывески, разнося рекламные обещания, которые никто не слушал. Он шагнул к своему магнобилю, ощущая, как напряжение сковывает плечи. В голове клубком сплетались мысли: Хайм, Лола, Рафаэль, Система. Всё это были неразрывные нити одной паутины. И он – он был частью этой системы. Её стражем. И не заметил, когда она перестала быть просто механизмом, а стала чем-то большим, чем-то иным.

Рафаэль надеялся обмануть её, выторговать себе больше времени, но ошибся. Система не предлагала сделок, она лишь создаёт их видимость. Он пожертвовал другим, надеясь выжить, но сам стал жертвой. И теперь вопрос стоял иначе: а сколько таких Рафаэлей было раньше? Сколько ещё будет?

Блэк сел в магнобиль, чувствуя, как его руки дрожат. На лицо были все признаки его внутреннего конфликта. Хоть он и не хотел признавать этого, но уже нужны были экстренные меры.

Транспортное средство мягко поднялось вверх, унося его прочь от Дворца последнего пути. Он смотрел на проносящиеся улицы, на холодный свет фонарей, на безмятежные лица прохожих, и впервые за долгое время он почувствовал настоящий гнетущий страх. Потому что понимал – он тоже может оказаться на месте Рафаэля. Потому что Система больше не следовала предустановленным законам. Она писала новые.

Дом встретил его привычной темнотой и наполнявшей воздух вязкой тишиной, которая, казалось, мгновенно впитывала в себя всю усталость, накопленную за день. Тихо щёлкнул замок. Входные двери закрылись за спиной, отрезая его от внешнего мира. Блэк сделал несколько шагов вперёд, затем медленно провёл руками по лицу, словно стирая с себя тяжесть последних событий.

Он скинул пиджак на спинку кресла, даже не удосужившись аккуратно повесить его. Ткань с шорохом сползла на подлокотник, но он не придавал этому значения. Тело ныло от напряжения, мышцы казались налитыми свинцом, а голову словно сжимали невидимые тиски. Он опустил взгляд на руки: сухая кожа, напряжённые сухожилия, выступающие вены. Обезвоживание давало о себе знать.

Резким движением он расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки и стянул её через голову, оставшись в одних брюках. Бледная кожа резко контрастировала с темнотой комнаты, а сухая, поджарая мускулатура говорила о выносливости и дисциплине. На рёбрах и ключицах проступали резкие тени, отчего его силуэт казался ещё более заострённым, словно высеченным из камня. Он позволил себе несколько секунд рассмотреть свое отражение в зеркальной панели рядом с входом. Глаза запали, скулы выделялись сильнее обычного. Организм был истощён, но он этого даже не замечал.

Тяжело выдохнув, он прошёл в ванную. Включил воду и умыл лицо, ощущая, как прохладные капли стекают по коже, оставляя за собой ощущение едва уловимого облегчения. Намочив полотенце, он протёр шею, грудь, плечи, стараясь хоть немного смыть напряжение. Однако внутренняя тяжесть оставалась при нём.

Он направился на кухню, каждое движение было неторопливым, словно тело сопротивлялось даже этой малой активности. Наполнив стакан водой, он поднёс его к губам и осушил

залпом, чувствуя, как влага разливается по сухому горлу. Затем налил второй, но теперь пил медленнее, наслаждаясь и смакуя каждый глоток спасительной влаги.

В этот момент резкий сигнал прорезал тишину. В углу комнаты ожил старый терминал, его экран мигнул, разливая в темноте тусклое свечение. Блэк даже не повернулся – он уже знал, кто это.

– Ты хоть понимаешь, в какую жопу нас загнал этот твой побег из «гнезда кукушки»?! – голос Анджея гремел даже через старый динамик, срываясь на грани бешенства. – У нас не было ни секунды лишнего времени! Ни секунды, Блэк!

Доктор сжал переносицу, закрывая глаза, позволяя шуму в голове отступить. Он давно не слышал Анджея в таком состоянии. Обычно тот был резким, но собранным и хладнокровным. Сейчас же его голос вибрировал, срывался, и даже через помехи связи можно было услышать, как тот тяжело дышит.

– И тебе добрый вечер. Ты жив? – спокойно спросил Блэк. – Лола и Хайм?

– Добрались, – Анджей отрывисто вдохнул, явно пытаясь взять себя в руки. – Но они были не готовы. Особенно Хайм. Он понятия не имеет, во что ввязался. Лола хоть как-то справляется, видимо, она в курсе дел. Но, чёрт возьми, Блэк, мы едва успели! Нам пришлось менять маршрут в последний момент, магнобиль слетел с пути в секторе «Восточный выход», они чуть не попались патрулю. И знаешь, что самое паршивое? Переход в Омега-Сити обвалился, – он стукнул по чему-то тяжёлому, звук резонировал. – Всё. Нет пути ни туда, ни обратно. Теперь нам придётся лавировать, как морские корабли, пока мы не восстановим проход, а это месяцы работы!

Блэк поставил стакан на стол, звук соприкосновения стекла с поверхностью раздался приглушённо, но словно подчёркивая груз сказанных слов. Он склонился вперёд, опираясь на столешницу.

– Система знала. Она подстроила это, – его голос был низким, усталым, но в нём про-скальзывала жёсткая уверенность. – И сейчас она замечает следы.

Анджей молчал. Только слышался его прерывистый вдох, затем скрежет пальцев по чему-то твёрдому, будто он пытался подавить ярость.

– Мы недооценили её, – наконец заговорил он, уже тише, сдержаннее. – Мы думали, что контролируем ситуацию. Но она... Она ведёт себя не как алгоритм, Блэк. Не как расчетливый искусственный интеллект. Она действует, как... человек.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлым осознанием. Блэк прикрыл глаза, сжав пальцы на столешнице. Он давно подозревал это. Слишком много нестыковок, слишком много решений, которые были продиктованы чем угодно, но не чистой логикой. А еще этот «призрак», не понятно кем порожденный.

– Возможно, мы ошиблись, – пробормотал он. – Возможно, наши методы больше не работают. Нам нужно искать новые способы наблюдения.

Анджей хмыкнул, но в его голосе уже не было прежней ярости. Скорее задумчивость.

– У нас есть кое-какие наработки, – признался он. – Но это будет сложнее, чем раньше. Придётся импровизировать.

– Тогда начнём, – Блэк выпрямился, потянувшись к терминалу. – Если она действительно думает как человек, значит, у неё есть слабости. Нам нужно их найти.

На том конце связи повисло молчание, затем Анджей коротко выдохнул.

– Добро, – наконец ответил Анджей. – Но будь осторожен, Блэк. Я не думаю, что Система до сих пор нуждается в процессорах.

– Не обещаю, – задумчиво произнес Джеймс, потом улыбнулся и добавил. – Ты же знаешь, я всегда копаю слишком глубоко.

– Я поражаюсь твоей простоте и наивности, Блэк, – саркастично произнес Перевозчик. – Смотри, чтоб мне не пришлось тебя потом откапывать.

Связь оборвалась, оставляя после себя злое гудение терминала. Блэк смотрел на экран, не мигая, словно ожидая, что тот снова оживёт. Но ничего не происходило. Только тишина. Давящая, затаившаяся, как зверь в темноте. Он медленно выдохнул, отстраняясь от стола. Комната казалась чуть более тесной, воздух – густым, а тени на стенах вдруг обрели странную, незнакомую глубину. Экран терминала погас, оставив комнату в полумраке.

Джеймс развернулся и направился в сторону окна. Дождь уже начинал капать, тонкими серебряными потеками оставаясь на стекле. Город снаружи жил своей жизнью – в воздухе сновали дроны и магнобили, неоновые вывески лениво переливались в отражениях, силуэты людей спешили, не глядя по сторонам. Никто не знал. Никто не догадывался. Или просто не хотел видеть. Их сознание давно стало частью Системы. Блэк провёл пальцами по стеклу, оставляя на нём короткий след тепла. Он чувствовал, как внутри разрастается беспокойство, как что-то тёмное и липкое оседает в его разуме.

Глава 3. Чужие среди своих.

Мир картонных теней

Они шагали по улицам, проваливаясь ботинками в вязкую грязь, где пересохшая корка асфальта смешивалась с отбросами и липкой жижей. Вместе с потоками мутной воды под ногами тянулись маслянистые разводы от пролитого топлива и застарелой канализации, источавшие резкий, едкий запах. Солнце палило немилосердно, превращая воздух в дрожащее марево, которое искажало контуры облупленных домов. Их фасады были испещрены трещинами, словно здания стояли под пыткой времени, теряя краску пластами, как обожжённая кожа.

Грязные стеклопакеты, покрытые мутными потёками, отливали жирным блеском, а там, где окна давно вылетели, зияли черные провалы, завешенные изодранными тканями или старыми полиэтиленовыми пакетами. В щелях между домами таились силуэты – чьи-то глаза мерцали из темноты, кто-то быстро шмыгал вглубь, уводя за собой грязные, едва прикрытые тряпьем фигуры. Пахло чем-то гниющим, будто в подворотне давно лежал и разлагался чей-то труп, перемешиваясь с затхлой вонью пота, гари и человеческих отходов.

Сквозь духоту и пыль доносились голоса – сильные выкрики, шорохи, странное хихиканье из-за угла. Где-то с глухим стуком захлопнулась дверь, из глубины переулка послышался пронзительный детский плач, мгновенно заглушенный грубым резкими воплями женщины. Здесь не было места случаю – каждый звук, каждое движение имело свой смысл, свою угрозу.

Лола и Хайм шагали, стиснув зубы, чувствуя, как капли пота стекают по спине, пропитывают одежду, делая её липкой и тяжелой. Грейс, свернувшись в комок у груди Лолы, вздрагивала при каждом резком звуке, а Мигель молча двигался вперёд, лишь изредка бросая на них безразличный взгляд.

– Налево, – коротко бросил Мигель, даже не оборачиваясь.

Он двигался быстро, уверенно, как будто этот район был всего лишь коридором в его собственном жилище. Лола и Хайм поспешили за ним, стараясь не отставать. Впрочем, страх подстёгивал их ноги лучше любых приказов. Они шли, пригнув головы, стараясь не смотреть по сторонам. Несколько раз кто-то окликал их, кто-то цокал языком, но никто не пытался остановить. Пока что.

Чем дальше они углублялись, тем сильнее видна была разница: постепенно улицы становились чище, дома выше, а освещение ярче. Лужи с мутной водой на асфальте сменились редкими влажными пятнами неизвестного происхождения, а мусорные завалы – кучами картонных коробок и пластиковых упаковок рядом с мусорными баками. Здесь уже не пахло откровенной нищетой, но в воздухе всё равно витало ощущение грязи, пусть и более цивилизованной.

– Сюда, – Мигель остановился перед крошечным магазинчиком с вывеской «Фото, ксерокс, документы». Мутное стекло окон было заклеено пожелтевшими рекламными листами, а внутри горел ровный белый свет.

Они вошли. Запах пластика, химии и дешёвого кофе ударил в нос. За стойкой сидел полный мужчина, его мясистые пальцы лениво барабанили по кассе. Маленькие свиные глазки скользнули по вошедшим, останавливаясь на Мигеле.

– Опять ты, – его голос был скользким, как и он сам.

– Работа, – коротко ответил Мигель и кивнул в сторону Хайма и Лолы.

Мужчина покачал головой, явно оценивая, можно ли с них получить что-то большее, чем просто деньги за услугу. Он шумно втянул носом воздух и медленно поднялся, тяжело передвигая массивное тело.

– Ладно. Давайте сюда свои лощёные рожи, сделаем вам документы, – он усмехнулся, обнажая кривые зубы. – Надеюсь, умеете улыбаться?

Магазинчик фотографии и ксерокопий был тесным, пыльным и пропитанным запахом перегретой техники. Воздух был сухим, горячим, а старый кондиционер на стене лишь тархтел, лениво перегоняя душный воздух, но не охлаждая его. Прилавок, уставленный потрескавшимися пластиковыми рамками для снимков, слегка покачнулся, когда хозяин облокотился на него. Пол был выложен плиткой, когда-то белой, но теперь покрытой въевшейся грязью. На полках за продавцом громоздились стопки пожелтевшей бумаги, фотопленки, коробки с завалывшимися товарами. В углу безжизненно поблескивали старые фотоаппараты.

– Имена? – лениво бросил он, уже порывшись в ящике под прилавком и достав потрепанный блокнот.

Хайм и Лола переглянулись. Лола сжала губы, но первой ответила:

– Лусия Мартинес.

Продавец фыркнул, явно не веря, что перед ним настоящая Лусия Мартинес, но записал.

– Ты? – он посмотрел на Хайма.

– Диего Мартинес, – без паузы выдал тот.

– Родственники, чтоль? – спросил продавец, подозрительно глядя на высокого светловолосого Хайма и темноволосую миниатюрную Лолу.

Хайм поспешно кивнул, Лола осталась безучастной. Мужчина снова фыркнул, закатил глаза, но внес в блокнот.

– Всё, пошли, сделаем ваши бумажки, – он развернулся, крикнув куда-то вглубь помещения: – Хорхе! За прилавок!

Из-за тонкой двери, ведущей в подсобку, раздалось невнятное ворчание. Через пару секунд появился подросток – типичный округлый имус лет пятнадцати, с темной кожей, круглыми щеками и недовольным выражением лица. Он медленно подошел к прилавку, залипая в портативную игровую консоль, даже не взглянув на отца. Только когда тот хлопнул его по плечу, подросток с раздражением поднял голову.

– Чего?

– Встань за кассу, следи, чтоб ничего не сперли, – буркнул продавец.

Хорхе закатил глаза так, словно ему поручили разгрузить грузовик с кирпичами, но всё же со вздохом застыл за прилавком, продолжая щелкать кнопками на консоли.

– Ну, идем, идем, – продавец махнул рукой Хайму и Лоле, скрываясь за дверью в подсобку. Мигель остался снаружи, лениво осматривая ассортимент магазина.

Внутри было еще душнее, чем в зале. Лампа под потолком мигала, издавая противный гул. Стол, заваленный бумагами, был исцарапан, а по углам паутина цеплялась за потрескавшуюся штукатурку.

– Фоткаться умеете? – ухмыльнулся мужчина, доставая старую цифровую камеру. – Или вас надо учить?

– Просто делай свою работу, – хмуро бросил Хайм.

– Эй, парень, ты мне тут тон не задавай. Я, между прочим, не на государство работаю, а сам себе хозяин, – он перевел взгляд на Лолу. – А ты хоть улыбайся, для приличия. С кислыми минами вас даже в мусорном квартале за своих не примут.

Лола ничего не ответила, но посмотрела на него с холодным презрением.

– Ладно, ладно, не сердитесь, я тут просто работаю. Снимки будут готовы через пять минут, потом подписи – и гуляйте, – буркнул он, делая снимки.

Хайм и Лола молча ждали, пока он сканировал и распечатывал бумаги. Через несколько минут он сунул им в руки два тонких пластиковых прямоугольника.

– Вот, держите. Вроде как легальные, – он усмехнулся. – С вас триста.

– Двести, – сказал Мигель, заходя в подсобку и бросая на прилавок несколько купюр.

Продавец сузил глаза, но деньги пересчитывать не стал. Мигель слегка кивнул Хайму и Лоле.

– Всё, пошли. Время не ждёт.

Продавец лениво проводил их взглядом и, когда они скрылись за дверью, вернулся к столу, вытирая потный лоб. Хорхе за прилавком даже не заметил их ухода, продолжая сосредоточенно щелкать кнопками на своей консоли.

Они вышли из магазина, и улица встретила их волной дневного зноя. Солнце висело над крышей противоположного дома, безжалостно выжигая последние островки тени. Лола на миг замерла, прикрывая глаза ладонью, а Грейс тревожно зашевелилась у неё под одеждой.

Мигель молча направился вперёд, даже не оборачиваясь, будто знал, что они всё равно последуют за ним. Они прошли всего несколько сотен метров, когда он свернул в сторону и толкнул дверь маленького кафе. От резкого движения с потолка осыпалась пыль, а дверь, протестуя скрипнув, качнулась на расшатанных петлях. Внутри пахло застарелым кофе, прогорклым маслом и чем-то кисло-сладким, застоявшимся в углах.

Заведение было почти пустым. За дальним столиком спал какой-то мужчина в грязной рубашке, уронив голову на руки, рядом валялась пустая чашка. Бариста за стойкой – женщина лет сорока с растрёпанными волосами и потёками туши под глазами – с неохотой подняла взгляд.

– Три кофе, – негромко сказал Мигель, усаживаясь за ближайший столик.

Женщина пожалала плечами, развернулась и лениво принялась готовить заказ. Лола скользнула взглядом по залу. Столы липли, кое-где на скатертях виднелись разводы засохшего кофе. Стекланные стаканы на полках были покрыты мутным налётом.

– Впечатляющий антураж, – негромко пробормотал Хайм, садясь рядом с ней.

– Не выпендривайся, – бросил Мигель и вынул из кармана мятый конверт. – Здесь немного денег. На первое время. Не сорите ими, лучше не привлекайте внимания.

Он положил конверт на стол и вытащил два небольших устройства.

– Коммуникаторы. Простые, но рабочие. Если что-то случится, связывайтесь со мной. Код активации внутри, разберётесь.

Лола осторожно взяла один, крутанула в пальцах. Ничего особенного – потёртый экран, минимум кнопок, корпус с царапинами.

Бариста бесцеремонно поставила перед ними три чашки кофе. Одна была с трещиной, другая с явными следами засохшей пены по краям. На поверхности напитка плавала подозрительная пенка.

– Приятного, – пробормотала она и ушла обратно, даже не дождавшись ответа.

Лола с сомнением посмотрела на свою чашку, но всё же сделала осторожный глоток.

– Теперь слушайте внимательно, – продолжил Мигель. – Адрес, – он протянул им сложенный вчетверо листок. – Там жильё. Не шикарное, но безопасное. Доберётесь сами. Никому не доверяйте, не спрашивайте лишнего. В этом городе вопросы могут стоить вам жизни.

Хайм развернул листок, нахмурился – каракули едва можно было разобрать. Лола тоже взглянула и тяжело вздохнула.

– Ещё одно, – голос Мигеля стал жёстче. – Ни в коем случае не показывай кошку. Если кто-то узнает о ней, вам конец. Поняла?

Лола кивнула, чувствуя, как Грейс прижалась к ней сильнее.

Мигель поднялся.

– Я пойду. С вами всё будет в порядке. Держите связь.

Он вышел из кафе, оставив их вдвоём с непонятным адресом, пустыми чашками и тревожным чувством, которое не то, что не хотело уходить, но нарастало с огромной скоростью.

Слепой безликий город

Лола и Хайм шли по улицам, внимательно сверяя маршрут с помятой бумажкой, которую им дал Мигель. Узкие улочки Омега-Сити были совсем не похожи на широкие, идеально чистые проспекты Медиополиса. Здесь царил хаос: наваленные друг на друга дома с облупившейся штукатуркой, спутанные сети проводов, хаотично петляющие над головами, вездесущая пыль, оседающая на коже и одежде. Солнце пекло немилосердно, воздух дрожал над нагретым асфальтом, в тени пахло сыростью, гнилью и специями из многочисленных лавок.

Грейс беспокойно заворочалась под одеждой Лолы, тихонько мяукнув. Лола чуть сжала плечи, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и осторожно погладила кошку сквозь ткань.

– Тише, девочка, – прошептала она.

Хайм покосился на неё, сжав губы. Они и так привлекали слишком много внимания. Прохожие – худые, невысокие, жилистые люди с выжженной солнцем кожей и настороженными взглядами – откровенно их разглядывали. Некоторые молча шли дальше, но были и те, кто ухмылялся или бормотал что-то себе под нос. Чуть дальше, у стены, собралась группа подростков. Один из них, с лохматыми волосами и в рваной майке, лениво свистнул.

– Эй, чистюли, потерялись? – голос его был насмешливым, ленивым.

Лола сжала кулаки, но промолчала. Хайм же, сохраняя спокойствие, сделал шаг вперёд.

– Нам нужно на улицу Святой Лукреции. Где это?

Подростки переглянулись, и один из них, фыркнув, сказал:

– Плати – скажем.

– Или иди к чёрту, – добавил второй, скалясь.

Хайм медленно выдохнул, едва удерживая себя от резкого ответа. Лола осторожно дёрнула его за рукав:

– Пошли. Не стоит.

Они продолжили идти, но взгляд множества людей буквально прожигал их спины. Кто-то откровенно шептался, другие просто криво улыбались, как будто видели перед собой не людей, а диковинных зверей. Один старик, сидевший на пластиковом ящике возле лавки, сплюнул под ноги Лоле, когда она проходила мимо.

– Чужаки, – буркнул он. – Валите обратно, пока не поздно.

Её плечи напряглись, но Хайм лишь молча взял ее за руку. Они ускорили шаг.

Город жил своей жизнью: кто-то громко спорил, на балконах сушилась разноцветная одежда, старухи торговались на рынке, выкрикивая цены, запах жареного мяса и сладкого теста вперемешку с гарью от старых генераторов создавал пряную, но удушающую смесь. Где-то за углом раздался глухой удар, вскрик, затем – оглушительный хохот. Никто даже не повернулся.

Лола стиснула зубы.

– Что это за место? – тихо спросила она.

– Наш новый дом, – сухо ответил Хайм, разглядывая дорогу впереди.

Так они прошли еще пару кварталов, продолжая ловить на себе враждебные и презрительные взгляды. Вдруг внимание Хайма привлекла женщина, резко выделяющаяся на фоне остальных. Она стояла у края тротуара, неподвижная, словно статуя, наблюдая за улицей с невозмутимым спокойствием. Она выглядела так, словно сама природа с течением лет отточила её до совершенства. Белоснежные, почти серебряные волосы были собраны в аккуратный пучок на затылке, а прямая осанка и плавные движения выдавали в ней либо человека благородного происхождения, либо того, кто с годами обрёл редкую внутреннюю гармонию. Её кожа, тонкая и гладкая, была такой же белой, как её волосы, но не выглядела болезненно, а скорее напоминала фарфор с лёгким румянцем на щеках. Глаза – чистые, ярко-голубые, словно вода у берегов далёкого острова, спокойные и внимательные, с лёгкой тенью мудрости.

Но больше всего Хайма удивило другое – её словно не существовало для окружающих. Люди проходили мимо, не бросая на неё ни единого взгляда, не задерживаясь, не пытаясь вступить в контакт. Они не избегали её намеренно, как делали это с ним и Лолой, но в то же время не замечали. Будто её и не было.

Хайм почувствовал странное волнение. Он никогда не верил в мистику, но в этом городе, полном жестокости и отчуждения, эта женщина казалась чем-то нереальным. Возможно, именно поэтому он сделал шаг вперёд, пересекая невидимую границу между миром людей и миром этой загадочной незнакомки.

– Простите... – его голос прозвучал неожиданно сдержанно, даже почтительно. – Вы не могли бы помочь нам? Мы ищем один адрес.

Женщина медленно повернула голову, её голубые глаза встретились с его взглядом. В них не было ни страха, ни удивления, только лёгкая заинтересованность.

– Конечно, молодой человек, – её голос был мягким, будто бархатным, с едва уловимой ноткой старинной мелодии. – Покажите.

Хайм развернул сложенную бумажку, неровные чернильные линии терялись в складках пожелтевшей поверхности. Женщина склонилась ближе, изучая каракули.

– Да-да, я знаю это место, – она кивнула. – Идите за мной, как раз туда направляюсь.

Они зашагали по узким улицам, прячась в полосах дрожащей тени, отбрасываемой высокими зданиями. Грейс, тихонько вздрогнув, забила глубже в объятия Лолы, на что та лишь ласково погладила её по спине.

– Вы не местные, – задумчиво заметила женщина, не замедляя шага. В её голосе не было осуждения, лишь констатация факта.

– Нет, мы только прибыли, – ответила Лола, пристально вглядываясь в лицо незнакомки. – Простите, а как вас зовут?

Женщина чуть улыбнулась уголками губ.

– Аделина.

– Рада знакомству, – Лола кивнула. – Я Ло... Лусия, а это мой брат Диего.

Аделина с лёгким одобрением кивнула.

– Омега-Сити – непростое место для чужаков, – тихо заметила она. – Здесь не любят новых людей. Вам следует быть осторожными.

Хайм нахмурился, глядя на идущих мимо прохожих, чьи взгляды скользили по ним, как по пустому месту.

– Мы уже заметили.

– Вам повезло, что обратились ко мне, – продолжила Аделина. – Вон там, за углом, будет ваше место назначения. Большой многоквартирный комплекс, там всегда есть комнаты в аренду.

Они повернули, и перед ними возникло массивное здание с облупившимися стенами и грязными окнами. Вход в него зиял, как чёрная пасть. Аделина остановилась.

– Здесь ваш путь продолжается без меня, – мягко произнесла она. – Удачи вам.

– Спасибо, – искренне сказал Хайм, глядя на неё с благодарностью.

Аделина снова едва заметно улыбнулась, развернулась и растворилась в потоке прохожих, оставляя после себя лёгкое ощущение чего-то необъяснимого и загадочного.

Холл многоквартирного дома встретил Лолу и Хайма застоявшимся, тяжёлым воздухом, в котором смешались запахи табака, несвежей пищи и старых стен, пропитанных сыростью. Свет здесь был тусклым, будто лампы изначально установили не для освещения, а просто по привычке. Потолок с тёмными разводами от протечек местами осыпался, а пол, покрытый плиткой, давно потрескался, и между швами скапливалась пыль.

За стойкой, отделённой матовым стеклом с жирными отпечатками пальцев, сидел консьерж – худой, сутулый старик в выцветшей рубашке с закатанными рукавами. Он курил что-

то едко пахнущее, отчего в помещении стоял смрад палёной бумаги и некоего подобия табака. При появлении постояльцев он лениво приподнял голову, смерил их взглядом, ничего не выражающим, и, не вынимая сигареты изо рта, выдохнул:

– Документы.

Хайм протянул бумаги, консьерж взял их двумя сухими пальцами и принялся разглядывать, не торопясь, без особого интереса, но внимательно. Дым от его сигареты клубился за стеклом, оседая на пожелтевшей поверхности.

– Третий этаж, комната тридцать три, – сухо произнёс он, не глядя на них, а затем вытянул из ящика ключ, бросив его на стойку. – Лифт не работает.

Получив ключ, Лола и Хайм переглянулись и, не тратя времени на лишние вопросы, направились к лестнице.

Перила лестницы оказались липкими на ощупь, а ступени покрыты тонким слоем грязи, кое-где облупилась старая краска. На каждом пролёте пахло по-разному: на первом этаже несвежей едой, на втором – чем-то горелым и резким, а на третьем – уже привычной сыростью и табаком. Дойдя до нужного этажа, они оказались перед длинным, узким коридором, тускло освещённым единственной лампой в конце. Вдоль стен тянулись двери, за каждой доносились звуки: где-то громко смеялись, в другой комнате ругались, в третьей играла приглушённая музыка. Слышались шаги, хлопки, чей-то кашель.

Они шли медленно, ловя на себе редкие, но настороженные взгляды из приоткрытых дверей. Когда добрались до своей, Хайм помедлил, рассматривая её: хлипкая, с несколькими дырами, кое-как заклеенными скотчем и картоном, с обшарпанной ручкой. Лола сглотнула, чувствуя, как кошка за пазухой слегка дрожит.

– Ну что, входим? – тихо спросила она.

Хайм молча вставил ключ в замок и повернул его. Дверь нехотя поддалась, открывая путь в их новое пристанище.

Без права на выбор

Комната, которую им выделили, представляла собой унылое жилище с минимумом удобств. Серые стены были испещрены следами от влаги, в углах темнели пятна плесени, будто комната медленно разлагалась, впитывая в себя сырость и затхлый воздух. Пол покрывала старая плитка с выщербленными краями и темными подтеками, она была ледяной, даже сквозь подошвы обуви пробирал неприятный холод.

В центре комнаты стояли два матраса, обтянутые тонкой, местами порванной тканью. Они выглядели старыми и продавленными, будто через них прошли десятки людей, и никто не удосужился заменить их. У окна валялась старая штора – когда-то белая, теперь серая и в пятнах неизвестного происхождения. Сам подоконник был облупившийся, с засохшими следами ржаво-коричневой жидкости, возможно, дождевой воды, пробившейся сквозь трещины в раме.

Справа от входа находилась небольшая кухня – если это можно было так назвать. Узкая столешница с выщербленным краем, одна-единственная конфорка на древней плитке, покрытой жирными подтеками, и шкафчик с расшатавшейся дверцей, внутри которого виднелась единственная чашка со сколотым краем. В воздухе витал слабый запах прогорклого масла, словно кто-то когда-то здесь готовил, но так и не удосужился помыть плиту.

Слева была крохотная ванная комната. Дверь в ванную чуть скрипнула, когда Лола попробовала ее открыть. Внутри царил полумрак, единственная тусклая лампочка мерцала, отбрасывая слабый свет на узкий умывальник с облупившейся эмалью и зеркало с мутными разводами. Маленький душ, окруженный заплесневелой занавеской, выглядел так, словно им не пользовались годами. Из стока в полу поднимался слабый запах канализации.

Запах сырости, смешанный с чем-то металлическим, заполнял пространство, пропитывал мебель, стены и даже воздух, делая его тяжелым. Хайм скользнул взглядом по комнате, затем перевел его на Лолу.

– Ну, по крайней мере, крыша над головой, – пробормотал он, но в его голосе не было особой уверенности.

Он прошелся по комнате, тяжело вздохнув. Приоткрыл шкаф – внутри обнаружилась единственная полка с покосившейся дверцей, а на дне валялись обрывки старых газет. Лола осторожно присела на матрас, морщась от ощущения пыли на ладонях. Грейс выбралась из-за пазухи и тут же спрыгнула на пол, осторожно приюхиваясь.

– Нам хотя бы повезло, что есть дверь, в отличие от большинства соседних комнат – пробормотала Лола, обращая внимание на щели внизу и несколько заклеенных скотчем дыр в древесине.

– Сомнительное везение, – усмехнулся Хайм. – Я схожу за едой.

Он вышел в коридор, краем уха слыша обрывки чужих разговоров. Кто-то ругался, кто-то смеялся неприятным, хриплым голосом. Стены дрожали от громкой музыки. Спустившись по лестнице, он вышел на улицу и направился к магазину.

Магазинчик, куда направился Хайм, находился прямо через дорогу. Казалось бы, пройти этот путь – дело пары минут, но «квест» оказался сложнее. Даже на пешеходном переходе никто не собирался его пропускать. Машины пролетали перед самым носом, водители даже не думали сбавлять скорость, а один из них, заметив Хайма на обочине, нарочно нажал на клаксон, заставив его отшатнуться назад. Пришлось ждать момента, когда поток хоть немного поредеет, и буквально выскочить на дорогу, лавируя между машинами.

Дверь магазина зазвенела старым колокольчиком, когда он вошел. Внутри царил полумрак, свет исходил от нескольких пыльных ламп под потолком, мерцающих от перебоев напряжения. Воздух был насыщен удушливым запахом протухшей еды, будто раньше тут была древняя овощная база, и после долгих лет ее так никто и не удосужился проветрить. Полки выглядели жалко: большая их часть пустовала, а на оставшихся в беспорядке громоздились пыльные консервы, пакеты с макаронами и блеклые упаковки с чем-то, напоминающим хлеб. В одном из холодильников тускло подсвечивались бутылки с мутной жидкостью без каких-либо этикеток.

За прилавком стояла продавщица – женщина средних лет с тяжелым взглядом и губами, сжатыми в тонкую линию. Она лениво протирала тряпкой стойку, когда к ней подошла местная покупательница. Эта женщина, в отличие от Лолы и Хайма, не выглядела чужачкой: ее простая, но опрятная одежда не выделялась, а манеры были уверенными, словно здесь она была своей.

Хайм решил подождать в стороне, не желая прерывать разговор, но прошло уже несколько минут, а продавщица и покупательница просто не замечали его. Они болтали о каком-то соседе, который «опять пропал на всю ночь», перескакивали на обсуждение цен, затем на сплетни о новой семье, что недавно поселилась в квартале. Женщины хихикали, переговаривались, и время тянулось нестерпимо медленно.

Прошло, наверное, минут пятнадцать, прежде чем местная дамочка, наконец, закончила, расплатилась и, улыбнувшись продавщице, направилась к выходу. Только тогда продавщица нехотя перевела взгляд на Хайма.

– Чего тебе? – спросила она без малейшего намека на вежливость.

Хайм молча выложил на прилавок несколько банок консервов, хлеб и бутылку воды. Женщина равнодушно пробила товар, нажав кнопки на кассе с ленивой неторопливостью, будто ей вовсе не хотелось обслуживать его.

Суммы на экране Хайм не видел, но, судя по тому, как небрежно продавщица сгребла его деньги, сдача должна была быть. Однако, вместо того, чтобы вернуть ее, она просто сунула ему чек и отвернулась, якобы поправляя что-то на полке позади себя.

– Эммм... Сдача? – рискнул спросить он.

Продавщица даже не обернулась.

– Мелочи нет, – бросила она, как будто это само собой разумеющееся.

Хайм сжал зубы, но решил не спорить. В этом месте он был чужаком, и спорить с местными, похоже, было не лучшей идеей. Забрав свои покупки, он направился к выходу, оставляя за спиной приглушенное ворчание продавщицы, которая не скрывала, что поступила с ним так нарочно.

Вернувшись, он обнаружил, что Лола уже успела немного прибрать комнату. Влажные пятна на стенах по-прежнему угрюмо темнели, но пыль с мебели и подоконника исчезла, а на маленьком столике у стены появилась аккуратно разложенная одежда. Лола стояла у окна, глядя вниз, на серый, безрадостный пейзаж улицы. Услышав шаги, она обернулась и молча посмотрела на его покупки.

– Немногое удалось найти, – виновато сказал Хайм, выкладывая на стол банки с консервами, хлеб и воду.

Лола только кивнула, но в ее глазах не было осуждения.

– Главное, что хоть что-то есть, – спокойно ответила она и взяла бутылку, покрутив ее в руках. – Надеюсь, это вообще пить можно.

Хайм тяжело вздохнул и опустился на край одного из матрасов, чувствуя, как на него наваливается усталость. Грейс свернулась клубком в углу, устроившись на куске тряпичного покрывала, найденного Лолой в шкафу. Её хвост едва заметно подрагивал, а уши дергались, улавливая каждый шорох в коридоре за дверью.

Тишину вдруг разорвал резкий сигнал коммуникатора. Хайм вздрогнул, а Лола настороженно повернулась к нему.

– Это Мигель, – сказал он, вытаскивая устройство из кармана и быстро открывая сообщение.

«Вечером к вам придет вербовщик. Вопросов не задавайте, со всем соглашайтесь. Работайте, не выделяйтесь. Других вариантов здесь нет».

Лола сжала губы, пробежав глазами текст, потом перечитала его снова, будто надеясь, что пропустила что-то важное, но смысл оставался неизменным.

– Значит, так все и работает, – тихо сказала она, сжимая коммуникатор в руке. – Хочешь выжить – работай.

Она бросила быстрый взгляд на Хайма. Тот сидел, уперев локти в колени, и задумчиво смотрел на темный экран. Напоминание о том, что их существование здесь зависело от чужой воли, давило. Они не выбирали эту жизнь, не соглашались на такие условия, но иного пути у них не было.

– Иного нам и не оставили, – глухо добавил Хайм, проведя рукой по лицу. – Выбор – это привилегия, а у нас её нет.

Лола молчала, глядя на мрачную комнату. Влажные стены, тонкие матрасы, помигивающий свет от старого настенного светильника – все говорило о том, что их положение шаткое. Она медленно вдохнула и выдохнула.

– Значит, будем играть по их правилам, – произнесла она, стараясь придать голосу уверенность, но в глубине её глаз светилось беспокойство.

Лола начала разбирать покупки, аккуратно выкладывая их на столешницу небольшой кухни. Она с сомнением осмотрела упаковки, но когда увидела, что консервы мясные и рыбные, с фасолью и чечевицей, её лицо прояснилось. Это было сытно, калорийно, а главное – привычно. Почти такие же консервы она покупала Грейс в Медиополисе, и кошка их очень любила.

– Ну хоть в этом угадал, – с облегчением пробормотала она, отставляя в сторону две банки с тугими крышками.

Она быстро осмотрела их и улыбнулась – современные, с удобными язычками для открывания. Не понадобятся ни нож, ни усилия, чтобы достать еду.

– Ну что, попробуем? – Лола подцепила пальцем кольцо на крышке, потянула вверх и с лёгким щелчком открыла консерву. Волна густого аромата сразу же разлилась по комнате, заставив Грейс насторожиться.

Кошка мигом оказалась рядом, вытянула шею и принялась, а потом, не дожидаясь приглашения, сунула морду в банку. Соус моментально перепачкал её подбородок и усы, но Грейс не обращала на это никакого внимания – жадно поглощая еду и урча от удовольствия.

Хайм, наблюдая за этим, ухмыльнулся:

– Я так понимаю, ты решила проверить, не содохнет ли она, а потом уже поедим мы?

Лола фыркнула, бросив на него лукавый взгляд:

– Я просто накормила самое дорогое и преданное существо, которое у меня сейчас есть.

Он покачал головой, но в глазах плясал смешливый огонёк.

– Значит, я даже в этот список не вхожу, да?

– Пока не заслужил, – отрезала она, смахивая с носа Грейс каплю соуса.

Они обменялись короткими колкими взглядами, но уже без напряжения, словно усталость на мгновение отступила.

Открыв ещё две банки, они приступили к еде. Лола зачерпнула единственной ложкой густую смесь фасоли и мяса и немного попробовала. Вкус оказался солоноватым, с лёгким привкусом жира, но в целом вполне съедобным. Хайм молча следил за ней, а потом, дождавшись своей очереди, отправил в рот большую ложку неприглядной субстанции.

– Ну, жить можно, – пробормотал он, пережёвывая.

– Главное, что есть можно, – тихо отозвалась Лола.

Они ели быстро, почти молча, проглатывая еду, не успев толком распробовать. Голод только разыгрывался, и они поняли, что не ели целый день. Жажда тоже дала о себе знать. Лола налила воды в единственную кружку и передала Хайму. Тот сделал несколько глотков и отдал ей обратно. Они пили по очереди, не обсуждая это, просто делясь тем, что у них было.

Доев последнюю ложку тушёной фасоли, Лола откинулась назад и глубоко вздохнула. Сытость накатила неожиданно тяжелой волной, наполняя тело ленивой теплотой. Еда хоть и была не самой изысканной, но после долгого дня, наполненного стрессом и хаосом, она казалась лучшей трапезой в жизни. Хайм тоже почувствовал это. Он протянул ноги, вытянул руки вверх, потянувшись, и тихо пробормотал:

– А знаешь, я думал, что первое время мы будем на подножном корме. Так что консервы – это даже роскошь.

– Угу, – рассеянно кивнула Лола, лениво наблюдая, как Грейс, сытая и довольная, вылизывается на одном из матрасов. – Жаль только, что тебе не удалось урвать хоть немного чистого мяса у этой ведьмы-продавщицы.

– Я бы попытался, но, боюсь, закончил бы свой день на полке в этом магазине. В качестве удобрения.

Она хмыкнула, вставая. В комнате становилось всё темнее. Свет с улицы пробивался сквозь мутное окно, отбрасывая блеклые полосы на холодный плиточный пол.

– Ладно, раз у нас есть матрасы, можно сказать, что жизнь налаживается.

– Видимо, для этого места, это роскошь, – проворчал Хайм, подходя ближе. Он присел, нажал рукой на матрас, тот жалобно скрипнул и продавился. – Что-то мне подсказывает, что это не лучшее место для отдыха.

Лола не ответила. Она уже легла, подложив руку под голову. Матрас хоть и был старым, с прожжёнными пятнами и торчащими комками набивки, но после долгого дня казался мягче каменной плитки под ногами.

– Холодно, – пробормотала она, подтягивая к себе Грейс. Кошка, не открывая глаз, повернулась к ней боком и довольно мурлыкнула. – И воняет консервами.

– Это все Грейс, я тут не при чем, – с театральным упреком, произнес Хайм.

– Да, но я всё равно её люблю, – Лола почесала кошку за ухом, та довольно потянулась. Хайм лёг на соседний матрас, стараясь устроиться поудобнее.

– В следующий раз я сплю с Грейс, – произнес Хайм, голосом обиженного мальчика.

– Ты ревнуешь?

– О, да. Она получает слишком много внимания.

Они расхохотались, но сонливость уже окончательно окутала их. Голова Лолы провалилась в тёплую пустоту, мысли спутались. Хайм тоже чувствовал, как его тело постепенно тяжелеет, поддаваясь усталости. Темнота заполняла комнату. Где-то за стеной раздавались приглушённые голоса, скрипели кровати, кто-то громко рассмеялся, затем хлопнула дверь.

И вдруг раздался резкий стук. Громкий, требовательный, даже злой. Они вздрогнули. Лола резко села, а Грейс, недовольно пискнув, прыгнула с матраса.

– Кто там? – голос Хайма прозвучал хрипло.

Снаружи раздался грубый голос, коверкающий слова:

– Мартинесы? Это вербовщик, открывайте, черт вас побери!

Последовала череда ругательств. Глухой голос продолжал:

– Какого хрена запирать и без того пробитую дверь?

Хайм бросил взгляд на Лолу, которая в мгновение ока натянула куртку и засунула Грейс за пазуху. Она кивнула, показывая, что всё в порядке, но было ясно, что её сердце бешено колотится. Он встал, медленно открыл дверь. На пороге стоял мужчина – высокий, широкоплечий, с грубым лицом и мощными руками. Черты южанина, грубая щетина, густые брови. В глазах – усталость и отрешённость. Он смерил их взглядом, словно оценивая товар.

– Ты, – он ткнул пальцем в Хайма и попутно всучив какую-то бумагу. – Строительно-уборочные работы. Восстановление пути связи с Медиополисом.

Затем повернулся к Лоле.

– А ты – в больницу. Медсестра. Завтра утром выходите. В шесть. Адреса в назначениях указаны. И не дай бог вам заблудиться и опоздать.

Ещё один долгий взгляд, проверяющий, насколько они всё поняли. Затем он развернулся и, не сказав больше ни слова, ушёл.

Хайм закрыл дверь и обернулся к Лоле.

– Мда... работай..., – негромко произнесла она.

– Или сдохни, – добавил Хайм.

Они переглянулись. Их обоих накрыл истеричный смех. Лола выпустила Грейс, которая смерила их критичным взглядом и удалилась спать на матрас.

– По-моему, Грейс, самая умная из нас, – добавил сквозь смех Хайм. – Надо отдохнуть.

Лола кивнула, но всё ещё не могла заставить себя лечь. В руках она вертела свою бумагу с назначением, разглядывая буквы, будто надеялась, что если достаточно долго на них смотреть, они сложатся в какие-то более приятные слова.

– Больница... – пробормотала она. – Надеюсь, хоть там стены не разваливаются.

– А я надеюсь, что мне не выдадут лопату и не скажут копать до самого Медиополиса.

Хайм зевнул, провёл рукой по лицу и всё-таки плюхнулся на матрас. Он скрипнул, просядая под его весом. Лола последовала его примеру, укладываясь рядом с Грейс, которая недовольно вздохнула, но позволила ей устроиться поближе.

– В шесть утра... – Лола закрыла глаза. – Это уже через несколько часов.

– Тем более надо поспать, – пробормотал Хайм.

Несколько минут они молчали. Где-то вдалеке за стеной снова хлопнула дверь, послышался чей-то глухой голос, затем всё стихло.

– Хайм... – вдруг раздался шёпот.

– Ммм?

– Мы справимся?

Он повернул голову, посмотрел на неё в полутьме.

– Конечно, – ответил он, даже не задумываясь. – У нас все будет отлично.

Лола выдохнула, тихо погладила Грейс по спине.

– Тогда... Спокойной ночи.

– Спокойной.

Они замолкли. В этой крошечной, душной комнате на краю неизвестности их ждал новый день. Сгущающаяся ночь за окном оставляла им лишь короткую передышку перед неизбежным.

Глава 4. Перекрёсток судеб.

Цена выживания

Первый день работы начался раньше, чем им бы того хотелось. В четыре тридцать утра, когда город ещё окутывал полумрак, Лола и Хайм нехотя поднялись с матрасов. Грейс свернулась клубком, но как только Лола зашевелилась, кошка лениво потянулась и посмотрела на неё снизу вверх, чуть подрагивая ушами.

– Ну вот, малышка, а тебе сегодня работать не надо, – тихо сказала Лола, проводя ладонью по пушистой шерсти. Грейс замурчала, но тут же принялась вылизывать лапу, словно давая понять, что ей совершенно всё равно.

– Ты же понимаешь, что если нас не будет весь день, тебе придётся самой себя развлекать, – добавил Хайм, слабо улыбаясь.

Кошка зевнула и улеглась обратно, явно не испытывая никакого волнения по этому поводу.

– Не скучай, – Лола нежно чмокнула её в макушку, несмотря на стойкий запах вчерашних консерв.

Они собрали свои вещи, перекинувшись короткими взглядами, и наконец, вышли на улицу, зябко кутаясь в тонкие куртки.

Воздух был сырой, пропитанный смесью пыли и гари неизвестного происхождения. Где-то вдалеке глухо гудели трубы, а редкие шаги на соседних улицах напоминали, что город уже начинал просыпаться.

– Слушай, если кто-то позовёт нас по настоящим именам, что будем делать? – вдруг спросил Хайм, натягивая воротник выше.

– Ты это серьёзно сейчас? – Лола посмотрела на Хайма, максимально возмущенно подняв одну бровь.

– Ну, а все же... вдруг, если... – начал, было, он с мальчишеским озорством.

– Делать вид, что оглохли, – пожалала плечами она. – Или что он обознался. В крайнем случае, можно сказать, что у нас амнезия после переезда.

– Хороший план, – усмехнулся Хайм. – А если забудем свои новые имена?

– Ну, ты же у нас теперь Диего, а я Лусия. Просто представь, что мы попали в старый фильм.

– Тогда мне не хватает широкополой шляпы, – вздохнул он. – И гитары.

– А мне – красного платья и розы в волосах, – подыграла Лола.

Они рассмеялись, хотя в глубине души каждый ощущал гнетущее напряжение. Впереди ждало неизвестное, юмор хоть немного помогал справиться с этим.

Разойдясь у перекрёстка, каждый направился в свою сторону. Хайм шёл к строительной зоне, а Лола в сторону больницы. Спустя несколько минут их шаги растворились в утренней тишине города.

***

Хайм вышел на улицу, ведущую к развалинам пути в Медиополис. Кутаясь в куртку, он бодро шагал и осматривал окружение. Небо над Омега-Сити было мутным, будто кто-то растёр серый мел по его поверхности. Дома, облупленные и казавшиеся покосившимися, молчаливо наблюдали за редкими прохожими, спешащими по своим делам.

Путь к месту работы оказался длиннее, чем он рассчитывал. Каждое здание, мимо которого он проходил, казалось одинаково мрачным, одинаково пустым. Временами попадались другие рабочие – худые, измученные люди, с потухшими глазами, которые брели к своим участкам, будто к месту наказания. Никто не говорил, все просто двигались вперёд, сторбившись под тяжестью предстоящего дня.

– Мартинес... – пробормотал он себе под нос, вспоминая свою новую фамилию. – Ладно, попробуем не облажаться.

Наконец он увидел участок – груды развалин, обломков металла и бетона, между которыми сустились люди в грязной одежде. Где-то на дальнем конце рабочие грузили тяжёлые плиты в старый, скрипящий грузовик. Над головой раздавался гулкий металлический скрежет – вероятно, где-то запускали генераторы.

Едва он подошёл ближе, как перед ним вырос бригадир – низкий, коренастый мужчина с квадратной челюстью и носом, когда-то явно сломанным. Его серый комбинезон был покрыт пылью, а на лице застыло выражение вечной усталости.

– Диего Мартинес? – спросил он, не поднимая взгляда, что-то записывая в потрёпанный блокнот.

– Да.

– Лопата вон там. Будешь чистить завалы. Если не сдохнешь, через пару дней поставим на что-то посерьёзнее.

Хайм скользнул взглядом по остальным работникам. Лица чужие, серые от пыли и усталости. Его никто не поприветствовал, никто не посмотрел дважды. Здесь он был никем.

Он подошёл к груде инструментов, схватил лопату. Деревянная рукоятка оказалась шероховатой, с мелкими занозами, но на это не было времени обращать внимание. Первые же удары по спрессованной грязи и кускам металла отозвались тупой болью в руках.

Прошёл час. Может, два. Время потеряло всякое значение. Слои грязи с трудом поддавались, пальцы саднили, и каждый раз, когда он с силой втыкал лопату в землю, по рукам проходил неприятный удар. Рядом кто-то тяжело дышал, изредка раздавались глухие удары молотков и металлический скрежет.

– Эй, ты! – голос бригадира вывел его из ступора. – Поможешь с трубами.

Хайм выпрямился, размял плечи, но тут же пожалел об этом – спину пронзило болью. Он шагнул за бригадиром и остановился перед кучей металлических труб.

– Перенеси вон туда, – бригадир кивнул на место, где уже образовалась аккуратная стопка. – Постарайся не напортачить.

Хайм вздохнул и наклонился, чтобы ухватить одну из труб. Она оказалась чертовски тяжёлой, и он почувствовал, как напряглись все мышцы спины и рук. Сделав над собой усилие, он потащил её к указанному месту.

– Вон ещё один дохляк, – раздался чей-то насмешливый голос.

Хайм бросил взгляд на говорившего – высокий, жилистый мужчина, явно проработавший здесь не один год. Он ухмыльнулся, глядя, как Хайм корячится с трубой.

– Ты их будешь таскать так долго, что мы все тут умрём, – добавил другой рабочий, хрипло засмеявшись.

– Ничего, со временем привыкну, – буркнул Хайм, чувствуя, как спина отзывается напряжением.

Никто не предложил помощь, никто даже не дал совета. Здесь каждый был сам за себя.

К середине дня его руки дрожали, а пальцы, казалось, вот-вот откажут. Футболка прилипла к телу, пропитанная потом и пылью. Он даже не заметил, как язык прилип к нёбу от жажды. Сглотнуть было больно. Где-то далеко кто-то кашлянул, раздался гулкий стук молотка.

– Перерыв, – наконец раздался голос бригадира.

Хайм опустил лопату на обломок бетона, вытирая лоб запыленным рукавом.

– Как оно? – спросил кто-то рядом.

Он повернул голову. Рядом присел тот же самый жилистый мужчина, который недавно смеялся над ним. Теперь в его взгляде было чуть меньше насмешки.

– Не знаю, ощущение, что кости скоро рассыпятся, – признался Хайм, растирая пальцы.

– Привыкнешь. Все привыкают. Или нет, – он пожал плечами и сделал глоток из пластиковой бутылки. – Здесь нет выбора.

Хайм вздохнул. В этом городе действительно не было выбора. Только работать или исчезнуть.

В воздухе витал запах ржавчины, перемешанный с потом и пылью. Над головой медленно проплыл дрон, монотонно жужжа своими камерами. Он на мгновение замер, наведя объектив, а затем продолжил свой путь.

Хайм закрыл глаза, пытаясь на секунду отключиться от этого места. Но даже с закрытыми глазами он слышал тяжёлые шаги, глухие удары и хриплые голоса людей, которые привыкли жить в этом аду. День только начинался, а он уже чувствовал себя выжатым до последней капли.

***

Расставшись с Хаймом, Лола задумчиво побрела прочь от перекрестка в сером предраусветном сумраке. Воздух был тяжелым, влажным, источающим все неприятные запахи в один момент. Город казался сонным, но не мирным. Тусклые фонари отбрасывали рваные тени на потрескавшийся асфальт, а в переулках скреблись крысы, копошась в кучах мусора. Небольшой робот-уборщик лениво передвигался по улице, но его работа была тщетна – грязь и пыль Омега-Сити не исчезали, они были частью этого места.

Лола шла быстрым шагом, кутаясь в тонкую куртку, но холод пробирался сквозь ткань. Мысли роились в голове: какие люди её встретят, какой окажется работа, как вести себя, чтобы не вызвать подозрений. Она повторяла про себя своё новое имя, заставляя себя свыкнуться с ним.

Больница оказалась массивным серым зданием, облупленные стены которого помнили слишком много боли. Внутри пахло антисептиком, гнилью и потом. У входа на носилках лежал человек, его лицо было испещрено язвами, а глаза тускло смотрели в пустоту. Медики его не замечали.

– Медсестра? – хрипло произнёс высокий мужчина в белом халате, который был таким же серым, как стены. Его резкие черты лица и прищуренные глаза выдавали человека, привыкшего не терять времени впустую.

– Да, – ответила Лола, сглотнув.

– Хорошо, работать начнёшь прямо сейчас. Нам некому менять повязки и чистить палаты. Кому-то повезло больше, – он кивнул в сторону женщин, занимавшихся пациентами. – А кто-то займётся грязной работой.

Он сунул ей в руки пару перчаток, которые уже не выглядели чистыми, и жестом указал на палату.

Первое, что ударило в нос Лоле, когда она вошла внутрь, был отвратный запах. Он был липким, удушливым, смесью антисептика, старой крови и чего-то разлагающегося. Металлические койки стояли в два ряда, больные лежали, глядя в потолок пустыми глазами. Кто-то тихо стонал, кто-то просто неподвижно дышал.

– Начинай, – сказал врач и ушёл, оставив её среди этого полумрака боли и беспомощности.

Первым был мужчина с обожжённой рукой. Его кожа вздулась пузырями, а бинты прилипли к ране. Он посмотрел на неё безразлично, когда она осторожно начала снимать повязку. Тонкий стон сорвался с его губ, но он не отдернул руку, лишь сжал челюсти.

Дальше – хуже. У женщины на соседней койке была глубокая рваная рана на бедре. Гной сочился сквозь пропитанные кровью бинты. Лола сглотнула тошноту и начала промывать её рану. Женщина дернулась, вскрикнув.

– Тише, – ровно сказала Лола, сама себе, удивляясь, насколько твёрдо прозвучал её голос.

– Легко тебе говорить, – прошипела та, сжимая край простыни.

День превратился в поток одинаковых действий: бинты, кровь, раны, зловонные выделения. Её руки были липкими даже сквозь перчатки, спина горела, ноги гудели. Никто не спрашивал её имени. Никто не говорил ей «спасибо».

На одном из столов стояла бутылка с обезболивающим, но его не хватало на всех. Врач просто окинул палату взглядом и махнул рукой:

– Тем, кто может потерпеть, не давать.

Лола почувствовала, как её желудок сжался. Она продолжала перевязывать пациента, слыша его тихие стоны, зная, что могла бы облегчить его боль, но не имела на это права. В Омега-Сити не было места жалости. Когда работа, наконец, закончилась, Лола вытерла лоб, тыльной стороной ладони, оставив на коже пятно от чьей-то крови.

Выйдя из больницы, она вдохнула воздух, но он был таким же тяжёлым, как внутри. Дорога домой казалась бесконечной. Тело ныло, мысли путались. Ноги будто налились свинцом. В одной из подворотен она увидела дрожащего мужчину в обносках. Его рука была покрыта язвами, словно та же инфекция, что поразила пациентов больницы, и она уже добралась до улиц.

Когда Лола добралась до дома, её пальцы дрожали, когда она открывала дверь. Хайм уже был внутри. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Лицо его было измазано серой пылью, руки покрыты царапинами. Он взглянул на неё и усмехнулся:

– Выглядишь так, будто тебя переехал товарняк.

– Не хуже, чем ты, – фыркнула Лола, сбрасывая куртку.

Они молча посмотрели друг на друга. Затем Лола внезапно рассмеялась – сухо, безрадостно.

– Почему смеёшься? – удивился Хайм.

– Потому что если не смеяться, я просто свихнусь.

– Логично, – Хайм кивнул, затем протянул руку. – Давай, помогу тебе сесть.

Лола приняла его руку, опускаясь на пол рядом. Они молча сидели, слушая далёкий гул города. Их тела ныли, руки дрожали от усталости, а мысли путались в голове. Первый день выдался жестче, чем они могли предположить. Хайм откинулся назад, закрывая глаза. Каждое движение отзывалось тупой болью в мышцах.

– Знаешь, – пробормотал он, – мне кажется, проще сдохнуть, чем пытаться выжить в этом мире.

Лола усмехнулась, прижимая к вискам ледяные пальцы.

– Ага. Давай прямо завтра, и закажем себе могильные плиты с надписью «Здесь покоятся тщетно пытавшиеся выжить».

– С эпитафией: «Хотели работать, но передумали».

– «Их убила любовь... к комфорту».

Они оба тихо рассмеялись. Смех был натянутым, но тёплым – даже в этой холодной, неуютной комнате он звучал живо. В этот момент из темноты вынырнула Грейс, зевая и лениво потягиваясь. Она прыгнула к ним на диван, ткнула носом в ладонь Хайма, требовательно замурлыкав.

– О, наша великая хозяйка пожаловала, – заметил Хайм, покачав головой

– Предательница, – наигранно обиженно сказала Лола и изобразила неудачную обиду на лице.

Грейс подняла мордочку, окинула обоих взглядом, а потом истошно и требовательно заорала.

– Вот теперь точно нет права умереть. Кто её будет кормить?

Хайм слабо улыбнулся, почесывая кошку за ухом.

– Придётся дожить хотя бы до завтра, – вздохнула Лола и пошла искать остатки вчерашних консервов.

Грейс замурлыкала громче, довольно устроившись на коленях Хайма. Видимо, «мадам» решила, что ужин подадут в постель.

Едва заметный свет пробивался через окна, отбрасывая на полу длинные тени. С улицы доносился гул далёких шагов и тихий гомон города. Вспышки рекламных голограмм мигали за окном, искажая пространство то зелёными, то красными отблесками. Лола перевела взгляд на Хайма. Он выглядел измождённым, но в его глазах не было пустоты. Только упрямство. Такое же, как у неё.

– Завтра... – тихо сказала она. – Завтра снова пойдём.

– Конечно, – ответил он. – Ведь мы бессмертные.

Лола принесла кошке вскрытую консерву, надпись на которой гласила «Туец с другими добавками» и опустилась на пол рядом с Хаймом, скрестив ноги. Так они и сидели в мнимой тишине, в компании урчащей и чавкающей Грейс, не обращая внимания на мир за окном. Где-то в глубине души затаилась мысль: они ещё не проиграли. Это же был только первый день. Всего лишь первый шаг на их пути. Куда он приведёт, оставалось загадкой.

Незримые границы

Утро второго дня встретило их прохладным воздухом и мутным светом искусственного рассвета. Город жил своей размеренной, механической жизнью, словно огромное существо, переваривающее миллионы людей в своих бесконечных коридорах улиц и зданий. Лола открыла глаза от глухого гула автомобилей, пронсящих где-то вдалеке. Она не сразу вспомнила, где находится, но когда осознание вернулось, в груди неприятно заняло.

Хайм уже сидел у стены, лениво массируя плечо. Он выглядел не менее уставшим, чем накануне вечером, но в глазах его теплилась насмешливая искорка. Лола потянулась и села рядом, уронив голову ему на плечо.

– Как спалось? – тихо спросил он.

– Как на гвоздях, – пробормотала Лола. – А тебе?

– Будто меня пару раз переехал тот самый товарняк. Но если честно, думал, что будет хуже. – Он помолчал, прежде чем добавить: – Ну что? На любимую работу?

Лола кивнула, тяжело вздохнув. Первое утро после первого дня всегда самое трудное. Это когда тело уже поняло, какую пытку ему предстоит вынести, но ещё не привыкло.

Грейс подбежала к ним, лениво потянулась и ткнула мордочкой в ладонь Лолы. Ласковый комок меха урчал, будто не было никакой грязной больницы, никаких тяжелых труб и запекшейся крови на бинтах. Только домашний уют, которого, к слову сказать, у них не было.

– Она нас не отпустит, – улыбнулся Хайм, наблюдая, как Лола чешет кошке шею.

– Конечно. Если мы вдруг решим сдохнуть, она сама нас убьет. Зато, не будет голодной, где-то читала дикую вещь, что кошки съедают своих хозяев после их смерти.

Они рассмеялись, но в этом смехе было больше горечи, чем веселья. Они знали: умирать нельзя. Уже хотя бы потому, что есть Грейс, которая будет ждать их дома.

Лола шла по узким, выстланным блёклыми плитами улицам, и теперь, когда усталость первого дня немного отступила, мир вокруг обрел четкость. Люди двигались рядом, но словно по разным траекториям, следуя невидимым маршрутам. Кто-то спешил, низко опустив голову, кто-то шел расслабленно, сдержанно поглядывая по сторонам, а кто-то держался ближе к стенам, будто опасаясь выйти на открытое пространство.

Ее мозг наконец-то заработал в привычном русле. Она начала формировать классификацию групп людей. Их можно было выделить по одежде, осанке, выражению лица. Одни выглядели уверенно, сжатые губы и выверенные шаги выдавали в них тех, кто привык к этому миру и его правилам. Другие, как и она с Хаймом, еще не до конца освоились – взгляд их был настороженным, шаги неуверенными, а одежда выглядела немного неуместно среди местных нарядов.

Были и те, кто держался особняком, будто не принадлежал ни к одной из групп – их избегали, к ним никто не приближался без необходимости.

Границы между людьми не были обозначены явно, но они существовали. Человек в чистой одежде не пересекался взглядом с тем, чья куртка была потрепана и испачкана. Рабочие не подходили к тем, кто явно занимался чем-то интеллектуальным, а те, кто выглядели больными или истощенными, словно вообще не существовали для окружающих. Здесь не было указателей, запрещающих взаимодействие, не было охранников, следящих за соблюдением дистанции. И все же каждый знал свое место.

Но кто определил эти места? Лола задумалась. Люди сами решили, что должны сторониться друг друга? Или кто-то внушил им это? Когда и как они усвоили, что между ними лежат невидимые рубежи, переступать которые – дурной тон, а порой даже опасность?

Ее охватило странное чувство: они с Хаймом, привыкшие к другому миру, в котором правила строгие, но четкие законы, оказались в пространстве, где правила были тоньше и незаметнее, но не менее жёсткие. Она невольно поежилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.